

СЕРГЕЙ
КАРАУЛОВ

Эстетика
ПЕТЕРБУРГА

ДВОРЫ СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ,
В КОТОРЫХ ОЖИВАЕТ ИСТОРИЯ

БОМБОРА

СЕРГЕЙ КАРАУЛОВ

**эстетика
ПЕТЕРБУРГА**

**ДВОРЫ СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ,
В КОТОРЫХ ОЖИВАЕТ ИСТОРИЯ**

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

Содержание

Самый странный дом	9
Кооператив инженеров.....	15
Витрина модерна подрядчика Екимова	21
Исторический синтез Александра Лишневого.....	29
Личный «уют» архитектора Кащенко	33
Мозаичный дворик. Подлинник.....	39
«Бастион» доктора Фукса	47
Доходный ампир	53
Чудеса египетские.....	61
Модерн спрятанный.....	67
Квинтэссенция стиля	75
О маках и подсолнухах.....	81
Доходное палаццо Васильевского острова.....	87
«Корабль» инженера Эрлиха	93
Петербургская открытка	99
Дядюшкин дом	105
Последняя покупка	113

Предисловие

Книга, которую вы держите в руках, в самом начале задумывалась как продолжение рассказа о доходных домах Петербурга — с интересными фасадами, парадными и историями об архитекторах и владельцах. Все шло своим чередом, но вот в процессе общения с читателями задали мне интересный вопрос: «А почему вы обходите вниманием знаменитые питерские дворы-колодцы? Ведь эти дворы давно стали очень известной достопримечательностью и даже своеобразной визитной карточкой города на Неве». Честно говоря, быстрого ответа на этот вопрос у меня не нашлось, а особой причины обходить вниманием именно дворы действительно не было. Была проблема. Как совместить одно и другое под одной обложкой, не превращая доступную книгу в увесистый том? В результате нашлось вот такое соломоново решение, и истории о домах были дополнены авторскими портретами дворов с короткими комментариями о том, почему они выглядят именно так, а не иначе. Насколько я знаю, раньше таких экспериментов никто не делал, но попробовать, безусловно, стоило. Стала ли книга от этого интереснее — судить вам, но оригинальнее она стала совершенно точно.

В любом случае, полагаю, будет весьма полезным в самом начале сказать несколько слов и о том, как и почему в Петербурге появились эти самые дворы-колодцы.

Историю эту, как, впрочем, и многие другие истории Петербурга, принято начинать с Петра Великого. Считается, что именно его желание построить город по образцу любезной его сердцу Голландии и видом своим «против строений других Европейских государств» принципиально определило облик новой российской столицы. Решительно ломая отечественные традиции городского строительства, Петр требовал возведения жилых домов «сплошную фасадою» с внутренними дворами: «А конюшен и сараев на улицу не строить, но внутрь двора. А с улиц и переулков чтоб все занято было жильем по указу...». Были в те времена и суровые предписания относительно каменного строения, и типовые (по сути, обязательные к использованию) проекты жилых домов, и масштабные градостроительные планы. Были огромные затраты. Но на самом деле задуманный по европейским образцам «парадиз» Петр так и не увидел.

Позднее, практически в каждое последующее царствование, предприни-

мались многочисленные попытки привести Петербург хотя бы в относительное соответствие с замыслами его основателя и превратить город в европейскую столицу. Подписывались указы, создавались комиссии, разрабатывались очередные планы, приглашались именитые архитекторы и создавались замечательные архитектурные ансамбли. Впрочем, несмотря на все это, по прошествии первых ста лет существования большая часть города так и осталась деревянной, с внушительными свободными пространствами, неплотной застройкой и населением около 200 тысяч человек. Конечно, старались действительно строить «сплошную фасадою» и с дворами, расположенными в глубине участков, но ни о каких «каменных громадах» и «колодцах» еще не было и помину. Владельцы столичных домов в те времена вполне могли позволить себе просторные дворы, окруженные постройками различного хозяйственного назначения. В этих дворах были и дровяники, и ледники, и конюшни, и курятники, и коровники... Активно меняться ситуация с городской застройкой стала только в следующем, XIX столетии.

В царствование императора Александра Павловича, собственно, и на-

чал постепенно обретать свои яркие черты город, который позднее назовут классическим Петербургом. В центральных районах столицы деревянное строительство было запрещено. Был создан знаменитый Комитет строений и гидравлических работ во главе с Августином Бетанкуром, где Антуан Модюи начал разработку градостроительных планов, призванных изменить все еще довольно хаотичную городскую застройку, а Карл Иванович Росси приступил к созданию своих масштабных проектов, радикально менявших облик старого Петербурга. Значительно быстрее стала расти численность населения, что привело к заметной активизации строительства доходных домов, которые ранее были явлением достаточно редким, а уже в следующее царствование вышли на первый план.

Император Николай Павлович, для которого инженерное дело и архитектура всегда оставались предметами пристального интереса, за созданием «регулярного города» следил очень внимательно и не жалел времени на личное согласование проектов строительства в центре Петербурга. Именно в его царствование возродилась уже изрядно подзабытая практика использования типовых проектов и по-

явился единый нормативный документ, регулировавший вопросы градостроительства, — Строительный устав Российской империи.

По большому счету, именно Строительный устав (несмотря на последующие редакции и изменения) установил правовые условия для возникновения в Петербурге дворов-колодцев. Во-первых, участки под застройку не могли быть менее 20 сажен (42,7 метра) в глубину, что условно определяло минимальный размер потенциальной дворовой территории. Во-вторых, статья 353 устава гласила: «Постройка каменных, близких одно к другому зданий внутри двора допускается, но с тем, чтобы такие строения располагались одно от другого не ближе двух сажен», то есть 4,3 метра...

Конечно, только наличия правовых условий для принятия конкретных планировочных решений было мало. Нужен был спрос, подкрепленный финансовыми возможностями. И он не заставил себя долго ждать. Примерно к 1851 году число жителей столицы превысило полмиллиона, а после отмены крепостного права процесс приобрел практически лавинообразный характер, и к концу столетия это число достигло миллионной отметки. В таких условиях строитель-

ство доходного жилья в Петербурге стало делом не просто выгодным, а очень выгодным. Поначалу, конечно, продолжали следовать старым строительным традициям — низкая этажность, большая площадь, просторный двор, но подобное предложение явно отставало от спроса. К тому же стоимость самих участков под застройку вполне естественно стала стремительно расти. И вот тогда «хозяйственную инфраструктуру» из дворов стали убирать в подвалы и на первые этажи, а сами дворы перегораживать флигелями с дополнительными жилыми квадратными метрами. Но и это было решением, по сути, промежуточным. К 90-м годам позапрошлого века инвестиции в недвижимость Петербурга стали окупаться очень быстро, а владение доходными домами превратилось в самостоятельный и весьма привлекательный бизнес. Активный приток капитала позволил создать своеобразный новый тип жилых построек в Петербурге — высокий по тем временам пятиэтажный каменный дом с очень плотной компоновкой, жилыми флигелями, закрывающими периметр участка, а также делящими дворовое пространство на две или три части. В таких домах дворы, суженные до допустимых нормативов (а иногда и более), действи-

тельно стали напоминать своеобразные колодцы. Появились и специальные световые дворики — замкнутое пространство для освещения черных лестниц и хозяйственных помещений, ширина которых порою едва достигала трех метров.

В XX веке подобный подход к проектированию и строительству уже доминировал в столице, ведь всего за 17 лет число петербуржцев увеличилось почти до 2,5 миллиона.

Самым простым и довольно распространенным вариантом стал прямоугольный в профиле дом, застроенный в глубину участка, с двором, разделенным на две неравные части (в более просторном дворе жилье стоило дороже). Но вариантов на самом деле было великое множество в зависимости от реальной конфигурации участка (часто довольно сложной), возможностей и пожеланий владельца, талантов конкретного архитектора и многого, много-

го другого. В зависимости от масштаба в одном проекте могло оказаться два, три, четыре двора. И даже больше. А самыми распространенными формами стали квадрат, прямоугольник и треугольник в угловых зданиях. Хотя были и авторские архитектурные фантазии, благодаря которым дворы могли приобретать необычную форму буквы Т, октагона или даже овала.

Первая мировая война сильно затормозила строительный бум в Петербурге, а революция и вовсе изменила подходы к строительной практике, но наполнившие город буквально в течение двух десятилетий дворы-колодцы так и остались с нами своеобразным напоминанием о коротком, но очень динамичном периоде нашей большой истории, которая на самом деле состояла из множества историй частных — возможно, малозначимых *sub specie aeternitatis*, но от этого не менее любопытных...

Сергей Караулов

Самый странный дом

Наверное, самый старый в Петербурге двор, который с полным основанием можно назвать «двор-колодец», расположился буквально в двух шагах от набережной Фонтанки. Впрочем, само здание от красной линии пересекающихся улиц вы не увидите, поскольку это всего лишь дворовый флигель, спрятанный за стенами внушительного «главного дома». Тем не менее именно этот флигель — единственный в Петербурге идеально круглый жилой дом с идеально круглым двором. И построен он был на 100 лет раньше самых смелых экспериментов архитектурного авангарда...

«Дом-кольцо» начали строить аж в 1822-м, и сегодня это, наверное, уже один из самых старых жилых домов в городе. Заказчиком такой необычной постройки был Михаил Андрианович Устинов — личность во всех отношениях примечательная. Неимоверно разбогатевший на питейных откупах саратовский купец, владелец нескольких винокуренных заводов и массы земельных имений, умудрившийся пристроиться на государственную службу и ведать доходами соляных месторождений, стать «орденоносным» статским советником и выслужить потомственное дворянство... О таких исторических персонажах в пору писать детективные романы.

Михаил Андрианович мог себе позволить многое, в том числе и приобретение серьезной недвижимости в Петербурге. В 1817-м он построил большой четырехэтажный доходный дом на углу Гороховой улицы и набережной Фонтанки, а еще через несколько лет решил в своем столичном владении построить дворовый флигель. В принципе дело обычное. Тогда дворы были еще весьма просторными и предполагали наличие различных хозяйственных построек. Хотя в данном случае владелец не ограничился чисто хозяйственными требованиями. Новое здание внутри двора предназначалось под каретные сараи, но с жилыми квартирами. И ездить должно быть удобно, и свет в доходных квартирах не должно застывать. Задача для архитектора на самом деле нетривиальная ...

Для реализации этого проекта Устинов пригласил Иосифа Ивановича Шарлеманя. Имя в истории архитектуры Петербурга очень известное. Правда, заслуженная слава придворного архитектора придет к Иосифу Ивановичу позднее. В ту пору он еще служил в строительном комитете Департамента государственного хозяйства и публичных зданий при

Министерстве внутренних дел и реальной строительной практики почти не имел. Тем интереснее на самом деле выглядит этот неординарный дебют знаменитого зодчего на ниве частного строительства.

Учитывая все пожелания заказчика, Иосиф Иванович вполне логично рассудил, что соответствовать поставленным задачам может только круг, а точнее кольцо с собственным внутренним двором. Круг идеально вписывался в просторный треугольный двор с изогнутым по дуге лицевым корпусом. Он позволял сохранить свободные проходы и проезды к любой части главного здания как за счет самой формы, так и благодаря симметричным сквозным воротам. Ну и конечно, его центральное расположение обеспечивало практически идеальное естественное освещение. Выглядело все это очень рационально, но слишком уж необычно. Впрочем, довольно сумасбродный заказчик с оригинальными идеями Шарлеманя согласился. Так, собственно, и появился этот дом во дворе основного владения Устинова. Безо всяких декоративных выкрутасов, с каретными сараями и круглой анфиладой не слишком удобных и не слишком больших, но приносивших стабильный доход квартир, коих было восемь на две парадные.

Самое интересное, что по совершенно непонятым сегодня причинам именно этот архитектурный казус устоял до наших дней практически без изменений, постепенно обрастая своими «анекдотами» и откровенными легендами — вероятно, именно в силу своего необычного вида.

И конечно, тут просто нельзя обойти вниманием то, о чем обязательно рассказывают все, кто хотя бы просто упоминает этот дом. Дело в том, что семь лет тут жили родители и родная сестра «нашего всего» — Александра Сергеевича Пушкина.

Правда, не по причине оригинальности вкусов, а скорее по причине ограниченности финансов... Сергей Львович и Надежда Осиповна Пушкины вместе с дочерью Ольгой Сергеевной поселились здесь в 1827 году. В мае этого же года в Петербурге, после многолетнего отсутствия, появился и Александр Сергеевич, но под «семейный кров», в силу многих причин, он, конечно, не рвался, предпочитая жить в «Демуровом трактире» на Мойке.

Беспокойный поэт вообще появлялся в Петербурге наездами, пытаясь решить преследовавшие его многочисленные проблемы — отнюдь не только творческого характера. У родителей он, наверняка, бывал, но в этих отношениях, как известно, было все далеко не безоблачно.

Ольга Сергеевна тоже покинула сие место довольно быстро — в 1828 году она вышла замуж за Николая Ивановича Павлищева и переехала на другую квартиру.

Сергей Львович и Надежда Осиповна оставались здесь до 1833 года.

Впрочем, многие специалисты вполне обоснованно полагают, что проживавшие по этому адресу Пушкины вряд ли квартировали именно во флигеле с «каретными сараями». При всей ограниченности финансов дворянского семейства, скорее всего, они снимали жилье все же в «главном» доме..

Кооператив инженеров

Двор-треугольник в Петербурге не редкость. Чаще всего такую форму имели сами земельные участки для жилого строительства на перекрестках столичных улиц и переулков. Особенно в тех случаях, когда эти улицы сходились под весьма острым углом. Старааясь максимально использовать имеющуюся площадь, архитекторы плотно застраивали треугольный периметр участка, а внутренний двор просто повторял контуры этой застройки. Несмотря на относительное единство формы, такие дворы тоже были разными. В данном случае свободное пространство для двора-треугольника оставлено совсем небольшое, но использовано оно очень рационально. Точный расчет позволял прекрасно обеспечить в доме необходимый уровень естественного освещения парадных и помещений, выходящих окнами во двор. И были для подобного решения свои, очень любопытные причины.

Самый известный энтузиаст и настоящий подвижник строительства кооперативного жилья в Петербурге Алексей Иванович Зазерский не был первооткрывателем в данном деле, но самые серьезные столичные постройки начала прошлого века, возведенные за счет собственных средств жильцов, были связаны именно с его именем. А началось все

с реализации проекта в самом начале Большой Посадской улицы, имевшего интересные особенности...

В 1909-м Алексей Иванович организовал свой первый кооператив, получивший название «Товарищество по устройству постоянных квартир», и самым любопытным в этом объединении был, конечно, состав пайщиков. Дело было новым и весьма необычным. Очень острый для стремительно растущего Петербурга квартирный вопрос традиционно решался в то время за счет аренды жилплощади в доходных домах, которые строились в больших масштабах и на любой вкус. Собственная недвижимость при такой конъюнктуре была доступна, конечно, только единицам. Инвестиции в доходное строительство стали практикой распространенной, но тоже требовали от инвесторов приличного собственного или заемного стартового капитала, да и последующее управление подобной недвижимостью было занятием не таким уж и простым. В этих условиях идея объединить ограниченные ресур-

сы людей среднего достатка для строительства собственного, а не съемного жилья была вполне логичной. Но даже очень последовательной логике обычно очень трудно преодолеть давно сложившуюся практику. Простой рекламы тут было явно недостаточно, да и продемонстрировать в качестве рекламного примера пока было нечего. И самых первых единомышленников, готовых поддержать инициативу собственными средствами, Зазерскому пришлось искать в кругу своих коллег — людей, которые действительно могли реалистично и по достоинству оценить его начинания.

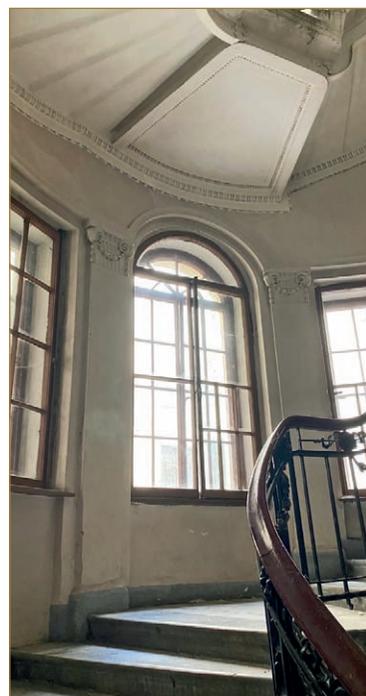
Главным делом Алексея Ивановича в то время было активное участие в проектировании и строительстве первой очереди городского трамвая. Первоначальные работы в рамках этого передового по тем временам проекта продолжались три года, и за это время выпускник Института гражданских инженеров Зазерский обзавелся обширными и основательными профессиональными знакомствами. И именно эти знакомства позволили ему собрать первых пайщиков для своей новой затеи. Из восьми первоначальных участников шестеро были инженерами (из них одна — жена инженера, но это дела не меняет). И не просто инженерами. Инженер-техник Александр Григорьевич Коган и инженер путей сообщения Фридрих Осипович Тейхман имели самое прямое отношение к «трамвайному проекту». Елизавета Ивановна Левыкина была супругой инженера-путейца, а Петр Петрович Лызлов и Яков Александрович Самойлович были инженерами-электротехниками. Известный столичный мостостроитель Андрей Павлович Пшеницкий тоже принял участие в новом деле. Он был выпускником Института Корпуса инженеров путей сообщения.

Мне кажется, что именно профессиональный состав участников позволил Зазерскому создать проект, в какой-то мере образцовый. Не самый просторный участок с острым углом был использован просто максимально рационально. Это яркий пример разумного сочетания плотной застройки имеющегося пространства и свободной дворовой территории для оптимального решения задачи освещения лестниц и внутренних помещений. Проектом были предусмотрены типовые поэтажные планировки, рассчитанные на размещение в здании 20 отдельных комфортабельных квартир со всеми удобствами, но без лишних изысков. Парадные — широкий вытянутый холл и часто использовавшаяся в модерне заметно

экономившая место лестничная спираль вокруг шахты лифта. Большие окна со скромными витражами. Декор — реверанс набравшей силу неоклассике, хотя вписанный в общую современную компоновку вполне органично. Размещение двух квартир на одном этаже позволяло сделать лестничные площадки пусть и не очень широкими, но достаточно просторными. Все было исполнено действительно рационально, а вместе с тем вполне стильно и удобно. Правда, черные лестницы в доме получились очень тесными и очень крутыми, хотя даже такая откровенная теснота была отлично освещена. Кооперативная постройка, конечно, возводилась в рамках ограниченного бюджета и не предполагала особой роскоши. При этом «дом инженеров», само собой, был оснащен по последнему слову техники: лифты, водяное отопление, горячее водоснабжение и даже новинка того времени — встроенный вакуумный пылесос. В современной технике инженеры-кооператоры разбирались прекрасно.

Внешнее оформление нового дома было ярким примером настоящего таланта Алексея Ивановича тонко и органично сочетать наиболее популярные в то время стилистические направления. Откровенно современная компоновка здания с разновеликими эркерами, изменчивой конфигурацией окон, балконами самой разной формы и в совершенно разных местах в то же время была украшена очень сдержанным и очень уместным классицистическим декором. Благодаря этому здание выглядело весьма солидно и для успешного продвижения кооперативной идеи служило просто прекрасным образцом. Впрочем, надо отметить, что сей опыт, естественно, еще не стал полностью отработанным процессом. Даже при всем инженерном рационализме относительно расходов они, судя по всему, таки превысили первоначальную смету, и сразу после окончания строительства в сентябре 1911-го пайщики заложили дом под облигационную ссуду сроком на 37 с половиной лет.

Но, несмотря ни на что, думаю, этот кооперативный проект играл немалую роль в дальнейшем про-

движении идей о передаче «дела постройки жилых домов», которое «находится всецело в руках капиталистов» непосредственно самим лицам, «нуждающимся в квартире». К слову, сам Зазерский стал одним из первых жильцов этого дома и остался верен своему первому кооперативу на всю жизнь, хотя, безусловно, имел и другие возможности. Впоследствии, как известно, он организовал еще несколько кооперативов и строил для них дома, заметно превосходившие первенца и масштабами, и уровнем комфорта. Впрочем, несмотря на заметное изменение объемов, Алексей Иванович всегда сохранял верность однажды найденным принципам рациональной планировки, которая оставалась основой его проектов вне зависимости от размаха и декоративных изысков каждого конкретного случая. Интересно, что после революции Зазерский серьезно увлекся градостроительством, сделав своеобразный следующий шаг: от проектирования больших зданий, занимавших порою городской квартал, к планировке масштабных жилых массивов. И не только в родном городе. Обладая действительно неутомимым характером, он даже умудрился организовать Объединение архитекторов-урбанистов еще в 1928 году, когда само понятие «урбанист» было у нас мало кому понятно. Алексей Иванович всегда полностью отдавался любимому делу, но, к сожалению, жизнь его, как и жизни многих ленинградцев, трагически оборвала война. Он умер от голода в 1942-м в своей любимой квартире №6 в доме, построенном по собственному проекту, на Большой Посадской улице...

Витрина модерна подрядчика Екимова

Один из самых интересных примеров двора, внешности которого было уделено особое внимание. С одной стороны, типичный колодец, построенный в соответствии с минимальными требованиями. С другой — унылый правильный квадрат оживлен интересными, симметрично расположенными сдвоенными и одиночными эркерами, которые задают дворовому пространству собственный архитектурный ритм, свойственный скорее лицевым фасадам зданий. Более того, обычно голые стены двора были плотно укрыты популярной в столичном модерне «цементной шубой». Все это выглядело весьма представительно, и для подобной дворовой роскоши были свои прагматические причины.

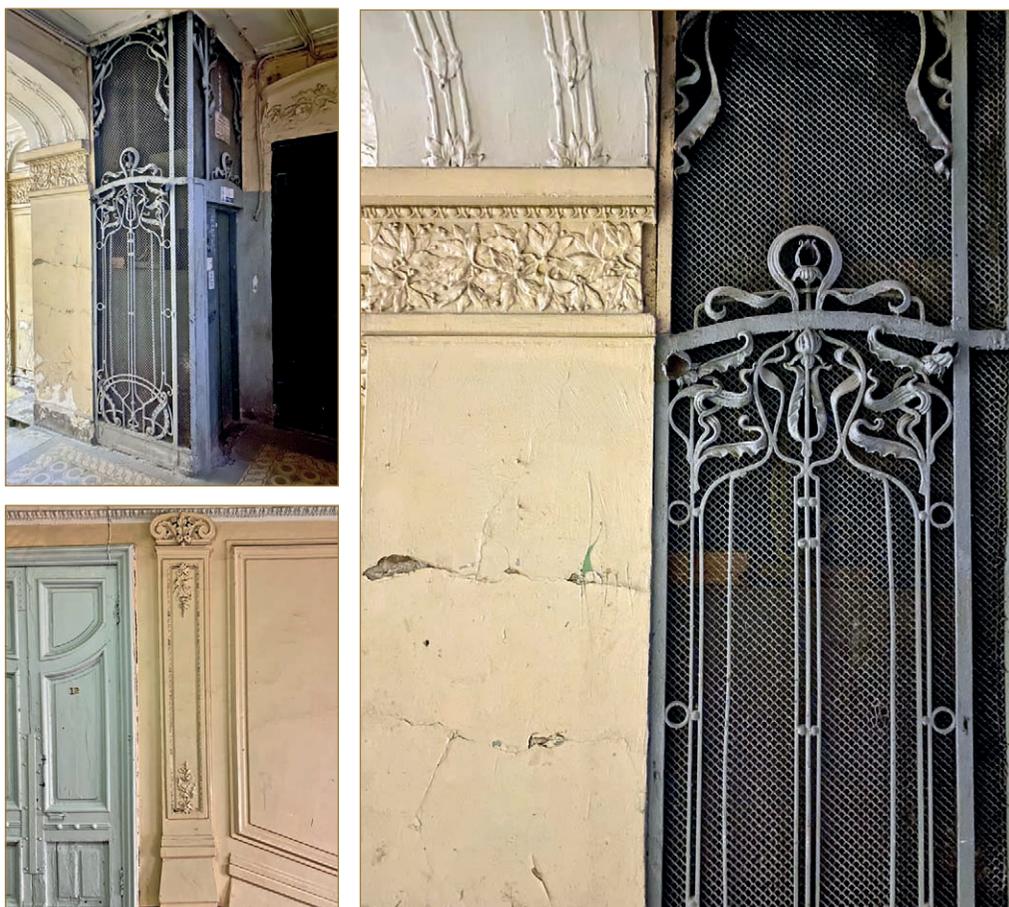
Банальная фраза «реклама — двигатель торговли» была актуальна практически во все времена и для любого рынка. Недвижимость не исключение. А тем более на стремительно росшем и высококонкурентном рынке Петербурга в начале прошлого века.

Безусловно, показать товар лицом в этом случае было сложно и дорого, но, с другой стороны, здесь мало кто доверял просто красивым картинкам. Потенциальные заказчики и покупатели при учете возможных нешуточных затрат хотели видеть именно конкретные примеры и образцы, наглядно подтверждавшие возможности продавца. На мой взгляд, именно такой витриной возможностей был этот дом в самом начале Кирочной улицы, построенный по заказу потомственного почетного гражданина, крупного строительного подрядчика и столичного домовладельца Ивана Михайловича Екимова.

Внушительное шестизэтажное здание с двумя внутренними дворами возведено за один строительный сезон (все-таки Екимов — крупный подрядчик), и его отделка была полностью закончена в 1909-м. Автором проекта выступил довольно молодой и еще не очень известный в Петербурге архитектор Вильгельм Иванович Ван-дер-Гюхт. Почему столь ответственное дело было доверено опытным Иваном Михайловичем именно Вильгельму Ивановичу — вопрос интересный.

Несмотря на звучную немецкую фамилию, Вильгельм Иванович родился, получил начальное образование и сделал первые шаги в профессии во вполне себе отечественной Одессе. Отслужив один год в армии, Ван-дер-Гюхт продолжил образование уже в Петербурге — на архитектурном факультете Художественного училища при Академии художеств. При этом явно не слишком богатый Вильгельм Иванович вполне успешно совмещал учебу с различными вариантами практической работы в качестве помощника архитектора, техника и даже строительного десятника. Похоже, именно эта практика в какой-то момент и свела вместе начинающего зодчего и матерого подрядчика. Конечно, Иван Михайлович вначале присмотрелся. Особенно к первым самостоятельным работам Ван-дер-Гюхта в стиле довольно помпезной поздней эклектики. А первый собственный заказ он доверил Вильгельму Ивановичу уже в 1906-м, избрав в качестве стиля для нового дома популярный тогда доходный модерн, к которому, похоже, питал своеобразную слабость. Опыт оказался

удачным, и в выборе архитектора для реализации образцового проекта в престижном месте Иван Михайлович уже не сомневался. Ван-дер-Гюхт доверие это оправдал в полной мере.

Вильгельм Иванович проявил настоящий инженерный талант, используя дорогой участок с максимальной плотностью, разместив в доме 26 отдельных квартир. Самое дорогое жилье со всеми удобствами того времени было только в лицевом корпусе. Все остальное — относительно комфортабельное, но уже без этих самых удобств. Такое решение демонстрировало, как можно эффективно решать вопросы обеспечения доходов для владельцев на ограниченном пространстве. Фасад повторял уже опробованный Ван-дер-Гюхтом дизайн, но был более солидно декорирован, с добавлением неоклассических деталей и без излишней вычурности. А вот в лицевой парадной Вильгельм Иванович сдерживать свою фантазию уже не стал. Такой размах современного декора надо было еще поискать. Тут вам и очень буйная лепная растительность, и стильные маскароны, и удивительное лестничное ограждение по индивидуальному эскизу, дорогой лифт, солидные двери солидных квартир... Каждая отдельная деталь органично дополняет общее впечатление. И если общая планировка здания убедительно демонстрировала, как можно строить рационально, то декоративная отделка наглядно показывала, как можно строить красиво. У каждого, конечно, может быть собственное мнение, но, на мой взгляд, тут Ван-

дер-Гюхт создал практически идеальную витрину доходного модерна своего времени.

В последующем дом этот действительно стал для Екимова своеобразной визитной карточкой, и продавать он его не собирался, сохранив за собой в качестве доходного наряду с другими пятью зданиями в столице. Появился тут и свой знаковый жилец, имя которого было тоже своеобразной рекламой в определенных кругах. В 1910-м квартиру в доме снял знаменитый бессменный редактор чрезвычайно популярной в начале века газеты «Русское слово» Влас Дорошевич, который будет квартирантом Екимова почти пять лет...

Иван Михайлович и позднее продолжит вполне удачное сотрудничество с Вильгельмом Ивановичем, который построит для его семейства еще несколько доходных домов. Стоит сказать, что и в целом Ван-дер-Гюхт, которому довелось активно работать в Петербурге всего десять лет, в основном выступал в роли своеобразного «отраслевого» зодчего. Достаточно взглянуть на список его заказчиков. Помимо подрядчика и домовладельца Екимова, есть там и крупные домовладельцы Петербургской стороны супруги Чубаковы, и солидный столичный торговец строительными материалами Максим Александрович Долгополов. К сожалению, талантливый зодчий в 1915-м оказался на фронте, а после возвращения с войны и всех революционных штормов индивидуальными архитектурными проектами уже не занимался, хотя

и при новой власти сумел найти работу по специальности. К теме жилищного строительства Вильгельм Иванович попытался вернуться только однажды. В 1929-м он взял на себя техническое руководство в обществе гражданского кооперативного товарищества «Домостроительство». Оно занималось восстановлением жилых домов на Васильевском острове, который сильно пострадал при наводнении в 1924-м. Но это было только очень коротким эпизодом в его профессиональной биографии. В годы первых пятилеток безусловным приоритетом стало промышленное строительство, и свои таланты Ван-дер-Гюхту пришлось использовать, работая в качестве инженера-строителя на различных ленинградских заводах. Трудно сказать по какой причине, но конкретные предприятия он менял довольно часто. В конечном итоге, уже будучи в почтенном возрасте, Ван-дер-Гюхт трудоустроился на Ленинградский государственный завод металлоизделий. Скончался Вильгельм Иванович в 1943-м. Ему было 67, и блокадного голода он не вынес...

Исторический синтез Александра Лишневского

Во втором десятилетии прошлого века доходные дома стали стремительно расти вверх. Повышение этажности давало дополнительные площади на ограниченном пространстве и возможность избегать строительства поперечных флигелей, сохраняя относительно просторными дворовые территории. Впрочем, даже этот «расширенный» вариант, замкнутый по периметру шестиэтажными громадами, выглядел мрачноватым колодцем. В данном случае — пример достаточно наглядный — вытянутый в длину и вдавленный внутрь широкими корпусами. Автор проекта — Александр Львович Лишневский — был настоящим мастером «авторских» дворов, но в подобных проектах предпочитал действовать максимально просто и рационально.

С олитный и добротный трехэтажный каменный дом появился в этом месте на набережной Фонтанки еще в 1837-м. Автором первоначального проекта был Егор Тимофеевич Цолликофер. Но свой нынешний вид он приобрел только через 77 лет с момента постройки...

За свою длинную историю дом несколько раз менял владельцев, пока в 1913-м его не приобрели на имя двух братьев — Соломона Ильича и Иехиеля Ильича Марголиных. Именно тогда дом было решено надстроить и реконструировать в соответствии с современной модой и техническими требованиями

времени. Обычно в таких случаях первоначальная постройка практически полностью сносилась. Но здесь работа Цолликофера оказалась настолько надежной и рациональной, что ее основной каркас было решено сохранить практически полностью, увеличив этажность здания и перестроив более современным образом внутренние пространства.

Думается, что основную роль в реализации этого доходного проекта играл Соломон Ильич. Его родной брат был медиком, и весьма сомнительно, что его голос имел в данном случае заметное значение. Сам же 50-летний Соломон Ильич был вполне респектабельным купцом 2-й гильдии, хотя и довольно обидно числился в «купеческом» справочнике «при отце»... Именно так обозначалось его участие в старом и серьезном семейном бизнесе по торговле драгоценными камнями в российской столице, главой которого тогда еще оставался отец Соломона — 77-летний Илья Беркович Марголин.

Проект по реконструкции новоприобретенной недвижимости был заказан не абы кому, а весьма известному и востребованному петербургскому архитектору — Александру Львовичу Лишневному. В те годы «загрузка» у Александра Львовича была серьезной, но его участие в этом сравнительно небольшом строительстве могли определять не только финансовые интересы, но и дружеские рекомендации, поскольку он как раз завершал работу с крупными заказами известного столичного комиссионера Шнеера-Залмана Иоффа. Несложно предпо-

ложить, что комиссионер Иофф и торговец драгоценными камнями Марголин прекрасно знали друг друга, а возможно, и имели общие коммерческие интересы.

Реконструкция здания была проведена в рекордные сроки. Разрешение на проведение работ было получено весной 1914-го, и к концу лета эти работы уже были завершены. Но Лишнеvский не был бы Лишнеvским, не оставив даже в таком проекте заметный «авторский след». В столичной архитектурной моде и в его творчестве это был период неоклассики, но и неоклассика, при всей склонности к строгости форм, бывает разной. Допустим, в данном случае, в добавление к характерному декору, появились затейливые и глубокие венецианские лоджии, радикально изменив всю внешность здания. Естественно, архитектору пришлось достаточно серьезно перестраивать парадные. На дворе был уже другой век. Хотя стоит отметить, что Александр Львович в целом отделкой парадных особенно не увлекался и часто использовал откровенно «ката-

ложные» решения. Впрочем, и тут есть затейливые авторские изгибы, позволяющие экономить место без потери лица.

В целом получился просто замечательный пример своеобразного синтеза старого и нового. Даже с характерным цветовым разделением. И синтез, в исполнении Лишнеvского просто мастерский. Совершенно верно говорят, что проходных работ для него просто не существовало вне зависимости от объемов и стоимости...

И два слова о жильцах. За всю историю дома тут было много примечательных квартирантов, о каждом из которых можно рассказывать отдельно. Единственная мемориальная доска, само собой, повествует о том, что тут довольно долго проживал известнейший советский композитор Василий Павлович Соловьев-Седой. Но мне лично любопытнее тот факт, что практически сразу после окончания реконструкции дома Лишнеvским и вплоть до 1926-го в этом доме жил интересный инженер и архитектор Евгений Александрович Кржижановский.

P.S. Маленькое добавление о декоре. Не в первом доме с такими владельца-ми встречаю характерную национальную символику на фасаде. Похоже, в начале прошлого века они совершенно не опасались размещать подобный декор на собственных зданиях и даже иногда специально акцентировать на этом внимание. Это просто к слову о стране сплошного «махрового мракобесия». Слишком уж любим мы иногда «черно-белую» историю.

Личный «уютюг» архитектора Кащенко

Наверное, самым любопытным результатом планировки схождения городских улиц под очень острым углом стало появление в Петербурге не просто угловых домов, а домов, прозванных жителями «уютюгами». Резко сужавшееся пространство застройки определяло очень характерный профиль здания, действительно сильно напоминавший уютюг, а он, в свою очередь, определял форму двора, который превращался в треугольник с очень острым углом. При этом такой дворовый угол не полностью повторял план здания. В целях максимального использования пространства перед ним еще оставлялось место для квартир и очень тесных угловых парадных, освещение которых обеспечивалось с помощью небольшого замкнутого светового дворака.

О петербургском архитекторе Александре Васильевиче Кащенко мы знаем не очень много. Его карьера была довольно короткой, а реализованных проектов не очень много. Около десятка. Хотя в самом начале он подавал большие надежды, окончив обучение в императорской Академии художеств с большой золотой медалью, что удавалось единицам.

Думается, именно успехи в стенах академии способствовали приглашению Александра Васильевича в качестве архитектора ко дворам великих князей Сергея Александровича и Павла Александровича.

А это, в свою очередь, играло важную роль в деле получения первых частных заказов. Впрочем, наиболее крупный заказ, на мой взгляд, остался великокняжеским — капитальная перестройка известного доходного дома на углу бывшей Троицкой улицы и Невского проспекта, принадлежавшего Сергею Александровичу (в очень большом семействе даже великие князья не чурались изыскания дополнительных доходов). Строительство было завершено в 1900-м, и реализация этого проекта позволила Кащенко задуматься о личной недвижимости.

В том же 1900-м Александр Васильевич приобрел обширный земельный участок на пересечении Таврической улицы и Суворовского проспекта, застроенный в ту пору деревянными домами, которые шли под снос. Участок этот в профиле просто идеально подходил для возведения типичного для Петербурга дома-треугольника. Место было довольно просторное, и существовавшие ограничения этажности допускали на участке высотное строительство — «шесть этажей с мансардой». Естественно, разработкой проекта и его согласованием в городской управе Александр Васильевич занимался сам. И наверное, только здесь можно увидеть воплощенными в камне действительно все лучшие идеи золотого академического медалиста. Рациональная компоновка, неизменные, но разумно распределенные торговые площади первого этажа, уже уходящая, но очень сдержанная эклектика в изящном сочетании с наступающим, но еще не слишком буйным модерном в декоре фасада и парадных, неизменная для таких домов парадная-треугольник... Вообще авторский почерк заметен тут даже в мелочах. Допустим, рисунок напольной плитки изящно гармонирует с плавным рисунком лестничных ограждений и с замечательным витражным набором окон...

Строительство было завершено в 1901-м. Первый этаж заняли бизнес-арендаторы. Булочная, мясная лавка, лавка табачная, часовой магазин и даже сберегательная касса. В основном пространстве строитель и владелец дома сам стал одним из первых жильцов. Вообще, этот замечательный дом, как говорится,

публике приглянулся. Часто вспоминают, что именно тут, пусть и недолго, жил поэт Михаил Кузмин. Семейство Авенариусов. Критик и переводчик Андрианов... Но чаще всего в разговоре о жильцах, конечно, звучит имя другого, гораздо более известного, нежели сам владелец, архитектора. В 1903-м в доме снял квартиру молодой выпускник Института гражданских инженеров, только-только получивший первый заказ, — Алексей Федорович Бубырь. Вполне возможно, что на выбор Алексея Федоровича повлияло не только удачное расположение и комфорт нового жилья, но и тот факт, что Кащенко был его земляком. Оба столичных архитектора родом из Екатеринославской губернии. Бубырь с семейством прожил в этом доме довольно долго. До 1908-го. Именно в этих стенах он создал проекты, которые сделали его настоящей звездой модерна. В том числе и знаменитый собственный дом на Стремянной...

Вообще, это место обладало какой-то таинственной притягательной силой для архитектурного модерна. Первые опыты — работа самого Кащенко. Работа Бубыря над своими оригинальными проектами. Вдобавок покупкой соседних участков и строительством в этом месте заинтересовался еще один столичный лидер стиля — Александр Сергеевич Хренов. Первый свой дом он построил здесь практически одновременно с Кащенко, а в конечном итоге возвел в одну линию аж пять домов, оформив собственность на себя и на супругу. Часть из

них стали настоящей классикой авторского модерна. Таврическую даже в шутку называли «улицей Хренова».

Переехав в собственный дом, Александр Васильевич Кащенко более его не покидал. Как архитектор он работал уже достаточно редко, хотя и довольно удачно. Но, надо полагать, большую часть времени Кащенко отдавал совсем другой деятельности. Став собственником столичной недвижимости, он получил возможность избираться в городскую думу и ею воспользовался. В думе он занял весьма активную позицию и вошел в массу комиссий, связанных с развитием городской инфраструктуры. Комиссия по проектированию городской канализации, санитарная комиссия, комиссия по устройству новых фабрик и заводов... и даже общество ночлежных домов. Судя по всему, именно эта работа стала для Александра Васильевича главной. Впрочем, все это явно не сулило ему особых доходов. И даже собственный доходный дом, который практически сразу, в 1902-м, оказался в залоге, так никогда и не был выкуплен владельцем и создателем. А после 1917-го его ждала совсем другая, «коммунальная» судьба...

К сожалению, достоверных данных о кончине Александра Васильевича у нас нет, но некоторые источники указывают на 1918 год. В 1918-м ему было 58 лет. В этот год ушел из жизни и Алексей Федорович Бубырь, убитый бандитами на Украине при довольно темных обстоятельствах...

ОСНОВАНА 1890.

С 26
С 31
С 33
С 31

Мозаичный дворик. Подлинник

Планировка этого двора для Петербурга достаточно заурядна. Само здание в профиле было прямоугольным, а его первый двор имел форму правильного квадрата. Обычный «колодец», сделанный в соответствии с действовавшими нормативами. Проект не предусматривал здесь каких-либо особенных изысков, но у владельца здания были свои идеи относительно использования двора, и реализация этих идей на практике сделала его по-настоящему уникальным.

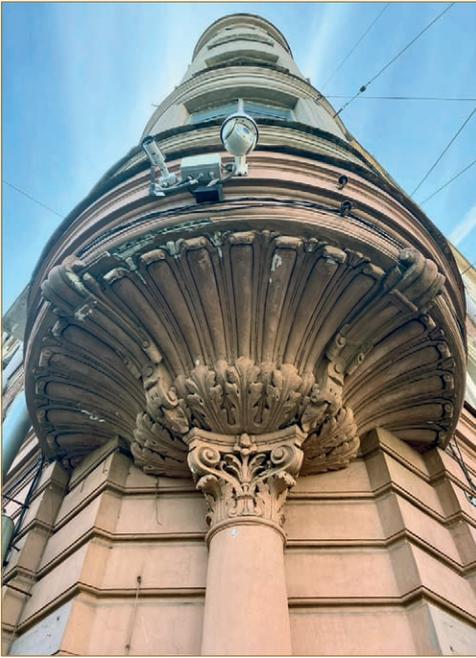
Одной из самых раскрученных туристических точек на карте Петербурга, наверное, смело можно назвать известный мозаичный дворик на Фонтанке. Оригинальная работа современных мастеров действительно многим кажется интересной, симпатичной и привлекательной. Но если честно, то, на мой вкус, настоящий исторический мозаичный дворик города, которым можно и должно гордиться, расположен совсем в другом месте. Именно там были созданы подлинные шедевры мозаичного искусства, которые заставляют нас и сегодня замирать в немом изумлении. Хотя, увы, имена создателей, а уж тем более место создания этих шедевров ныне помнят совсем немногие...

В начале прошлого века самой известной династией отечественных мастеров мозаики, пользовавшейся непререкаемым авторитетом, была фамилия Фроловых. Родоначальником большого семейного дела был Александр Никитич Фролов. Начавши свою карьеру еще подростком в качестве мастерового на Императорском стекольном заводе, в 42 года Александр Никитич уже стал академиком императорской Академии художеств, а в 53 года возглавил отделение мозаики академии. В 1890-м, уже будучи всеми признанным авторитетом, Фролов принял решение, многих тогда удивившее. Он покидает академию и вместе со старшим сыном Александром, который обучался семейному делу у знаменитого венецианского мастера Антонио Сальвиати, открывает первую в России частную мастерскую декоративной мозаики. А еще через шесть лет эта частная мастерская, потеснив на конкурсе саму Академию художеств, приступает

к реализации самого грандиозного и самого известного проекта в своей истории — созданию мозаичного убранства храма Воскресения Христова общей площадью более 7000 квадратных метров.

Первоначально мастерская Фроловых размещалась на Кадетской линии Васильевского острова. Она была относительно небольшой, а объем заказов рос стремительно. И в какой-то момент мастерской стало просто тесно. Для расширения дела был приобретен значительный, но не очень дорогой участок в более отдаленном от центра месте — на пересечении Большого проспекта и 22-й линии. В 1899-м по заказу Фроловых не самым известным, но весьма добротным столичным архи-

тектором Александром Ильичом Богдановым тут были построены новая мастерская и жилой дом для владельцев. Проект здания, конечно, учитывал пожелания заказчиков, но в общем и целом предусматривал строительство довольно ординарного доходного дома: неброского, рационально спланированного и без особенных стилистических выкрутасов. Хотя все было сделано достаточно добротнo и Александр Ильич сам поселился здесь и не менял места жительства вплоть до самой революции. Новый дом должен был стать новым этапом в развитии деловых предприятий Фроловых, но, к сожалению, за время, пока происходили все эти события, семья понесла неожиданную и очень тяжелую утрату.

В 1897-м в возрасте 36 лет после неудачной операции скончался Александр Александрович Фролов, на таланты которого возлагались большие надежды в развитии семейного дела. Главе семейства Александру Никитичу тогда уже исполнилось почти 70 лет, и все деловые вопросы свалились на плечи его младшего сына Владимира, которому пришлось ради этого прервать обучение в Академии художеств. Владимиру Александровичу было 23 года. И именно с его именем будет связана дальнейшая судьба большого мозаичного бизнеса и благоустройство этого места. В 1900-м Александр Никитич фактически отойдет от дел и скончается в 1909-м.

Надо сказать, что Владимир Александрович Фролов честь своей фамилии отнюдь не посрамил. Более того, при его управлении с мастерской будут сотрудничать Васнецов, Нестеров, Рерих... Здесь будет создано множество замечательных работ: от масштабных пейзажных панно для известного доходного дома герцога Лейхтенбергского до изящного цветочного фриза дома Набоковых. Благодаря супруге Нине Леонтьевне, дочери Леонтия Николаевича Бенуа, Владимир Александрович будет вхож в высокие круги столичного архитектурного бомонда. И не только столичного. Его заказчиком будет, к примеру, самая крупная звезда московского модерна Федор Осипович Шехтель. Мозаики знаменитого особняка Степана Павловича Рябушинского — это тоже работа Фролова.

Большой дом, в котором на втором этаже, собственно, и располагалась мастерская, несколько раз расширялся в доходной части. В 1908-м над этим работал младший брат Александра Ильича Богданова Николай, а в 1914-м — Сергей Осипович Овсянников. В декоре здания скромная эклектика постепенно и тактично заменялась сдержанным модерном, но самое интересное тут, наверное, не сам дом, а его двор. Именно во дворе Владимир Александрович решил продемонстрировать потенциальным клиентам товар лицом и украсил стены замечательными мозаичными вставками, демонстрирующими почтенной публике наиболее доступные для нее варианты декора. Об эксклюзивных работах тут, конечно, речь не шла. Впрочем, штучные клиенты двор на Васильевском вряд ли посещали. А вот своеобразная витрина для массового потребителя получилась весьма оригинальной. Да и сама идея. Тогда в Петербурге подобный мозаичный дворик был один...

После революции мастерскую в доме Фролова закрыли. В 1918-м Владимир Александрович продолжил работать при новой власти в старой мастерской Академии художеств, но жить остался тут, в собственной квартире. Окончательно Фроловых выселили в 1929-м, и семья перебралась на жительство к тестю Владимира Александровича Леонтию Николаевичу Бенуа. Умер Владимир Александрович, немного не дожив до 70 лет. В блокадном Ленинграде. От голода...

P.S. В советское время мозаичные вставки во дворе бывшего дома Фролова были попросту покрашены стандартной «дворовой» краской в несколько слоев. Только благодаря неутомимым петербургским энтузиастам часть из них были очищены уже в наши дни. Причем это явно только часть. Уверен, что будут еще открытия...

«Бастион» доктора Фукса

Замкнутые дворы далеко не всегда проектировались внутри одного дома из нескольких корпусов. Многие новые доходные здания в буквальном смысле пристраивались к старым, и глухие брандмауэры уже существовавших домов становились частью образовавшегося двора. В данном случае пример очень показательный. Две стены одного дома замкнуты двумя плотно примыкающими брандмауэрами двух соседних. В таких случаях от архитектора требовались немалые усилия в попытках хоть как-то сохранить нормальный уровень естественного освещения через окна, которые при большой этажности еще и смотрели на ровную глухую стену.

Это внушительное и строгое здание в неоклассическом стиле появилось на углу Знаменской улицы и Виленского переулка в 1915-м. Автором проекта был уже достаточно опытный выпускник Высшего художественного училища при Академии художеств Иосиф Исаакович Долгинов. Вообще, окончив училище в 1909-м, к моменту реализации этого последнего своего дореволюционного проекта Иосиф Исаакович успел построить в Петербурге два десятка зданий в различной стилистике. Впрочем, в соответствии с актуальной модой 10-х годов прошлого века неоклассика в его работах, конечно, преобладала.

На Знаменской данный дом был не единственным примером новой архитектурной моды, и сей угловой «бастион» вполне вписывался в общий замысел изменения архитектурного облика улицы. Хотя... Сама идея застройки подобными серыми громадами в перспективную линию, откровенно говоря, не кажется такой уж удачной. Но это сейчас. Тогда на это смотрели по-другому, считая, что подобная классическая строгость более привлекательна, чем аляповатая эклектика и чухонский модерн. Правда, справедливости ради надо отметить, что находки и опыт отвергнутого модерна оставили во всем этом заметные следы. С одной стороны, монументальная и строгая внешность, основательная угловая башня, полуколонны и пилястры, лоджии из арсенала неоренессанса вполне соответствовали самым последним трендам. С другой — эркеры со знакомыми скругленными углами, да и само характерное стремление создать собственный индивидуальный ритм фасадов, используя только объемы, практически полностью лишённые декора, отдавали ощутимую дань лучшим наработкам предшествовавшего времени. На мой взгляд, процесс вполне естественный, ведь абсолютная чистота стиля во все времена была явлением скорее исключительным, чем распространенным. Тем более если речь шла о доходном жилье.

Самое интересное, что, создавая проект с таким основательным лицом, Долгинову пришлось решать еще и массу проблем с тем, что за этим лицом находилось. Участок был не очень большим. Здание на самом деле имеет Г-образную форму, и его двор плотно зажат с двух сторон соседними брандмауэрами. При высокой этажности это порождало проблемы с естественным освещением

и требовало сложной внутренней конфигурации, в которой были и небольшие балконы, выходящие во двор, и заметно выступавшие эркеры, и даже глубокий закругленный угол. Кроме того, необходимость максимально использовать весьма ограниченное пространство для жилых помещений определяла очень тесное внутреннее устройство единственной парадной. Конечно, тут использован доставшийся в наследство от времен модерна лестничный эллипс, но в данном случае он просто максимально сжат и оставляет совсем узкие места для лестничных площадок с выходами в два разных крыла здания. Черная лестница хорошо освещена, но так тесна и узка, что трудно себе представить, как по этой лестнице можно было что-то переносить в принципе. Одним словом, классика классикой, а необходимость обеспечить заказчику максимальные возможности для получения доходов никто не отменял, и Иосифу Исааковичу, думаю, это дополнительно объяснять было не надо. Он действительно эффективно выжал из этого проекта все, что было можно.

Заказчиком в данном случае был надворный советник Борис Осипович Фукс. Конечно, 7-й класс в табели о рангах и обращение «ваше высокоблагородие» говорило о многом, но финансовых возможностей для строительства соб-

ственного доходного жилья в столице, да еще в начале прошлого века, отнюдь не гарантировало. А вот профессиональные достижения — вполне. Почтенный Борис Осипович был не только обладателем чина, но и доктором медицины с серьезной частной практикой в области женских болезней. Вообще, судя по всему, именно такая специализация обеспечивала медикам серьезный доход. Мне не раз приходилось встречать солидные доходные дома столичных эскулапов именно с «дамской» специализацией... При этом, как и его коллеги, Фукс не только поселился сам в этом доме, но и вел в нем прием пациентов. Впрочем, похоже, Борис Осипович был не только востребованным медиком, но и просто очень чутким к веяниям времени бизнесменом. В его доме квартиры для аренды были дополнены специально спроектированным помещением для... синематографа, который получил название «Рампа» и был открыт в 1916-м. Что интересно, в доме за его долгую историю поменялось многое, но именно кинозал существовал тут вплоть до... 1988-го.

Доходный ампир

Дворы в этом доме, скорее всего, можно рассматривать как наглядный пример поздних «усовершенствований» планировки старых зданий. В первой половине XIX века при строительстве доходных домов все еще сохранялась практика использования довольно больших дворовых пространств для разнообразных хозяйственных нужд и построек. Только позднее соблазн использовать свободные площади для получения дополнительных доходов от жилищной аренды стал для собственников слишком велик и старые дворы стали перегораживать жилими флигелями.

Пришедший некогда в Петербург из наполеоновской Франции архитектурный стиль, ставший в отечественной интерпретации русским ампиром, прежде всего принято связывать с замечательными городскими ансамблями, созданными Карлом Ивановичем Росси. Михайловский дворец, Главный штаб, Сенат и Синод, Александринская площадь... Как-то сложно себе представить, что этакое имперское величие может подходить для проектирования и строительства

доходного жилья. Но тем не менее. пример такой есть. Очень известный, яркий и тоже отчасти связанный с именем Росси...

Внушительное здание у трех мостов, на углу набережной Мойки и Марсова поля, на первый взгляд производит впечатление некоего солидного государственного учреждения своего времени, хотя на самом деле это действительно доходный дом. И характерные для стиля портики с колоннадой, и сдержанная лепнина фриза, и выделенные наличники окон второго этажа тут в заблуждение

вводить не должны. В доме несколько парадных лестниц разного «класса» и два довольно тесных внутренних двора (имеющих, скорее всего, более позднее происхождение) с очень узкими и темными лестницами. Одним словом — точно не дворец, но дом, что называется, с претензией. А «претензию» сию можно хорошо рассмотреть в одной из парадных, сохранившей основные черты первоначальной планировки и рассчитанной явно не на среднюю категорию. Узкие холодные сени выходят в холл необычайно большого размера. Арочные перекрытия

с лестницей вокруг колонн — типичное для того времени решение, но сделанное в этом месте с нетипичным размахом. Вытянутые лестничные площадки аж в четыре окна буквально залиты светом, хотя окна и выходят во внутренний двор. Размашистые арки — с точно рассчитанной опорой на колонные пары. Максимально пологие, хотя и сильно удлиненные подъемы... В парадной, рассчитанной всего на шесть фешенебельных квартир, свободного пространства очень много — без малейшего намека на привычную доходную экономию.

Автором этого проекта был итальянский швейцарец Доменико Адамини, который приехал в Россию в 1796 году с отцом и старшим братом. Тогда глава этого архитектурного семейства Томмазо Адамини был принят на службу в императорский кабинет в качестве каменных дел мастера. В первых десятилетиях позапрошлого века Адамини-старший принимал самое активное, а порой и руководящее участие в реализации наиболее известных проектов... Карла Ивановича Росси. При этом Доменико неизменно выступал в проектах Росси в качестве помощника своего отца. И заметить влияние мастера на самостоятельную частную работу Адамини в принципе совсем не сложно даже при самом

беглом взгляде на фасад. Да и этот вот замечательный скругленный угол весьма и весьма знаком...

Работа Доменико Адамини над проектом доходного дома заняла довольно много времени. Она началась в 1823-м и растянулась на долгие четыре года. Можно предположить некие сложности с финансированием проекта, но, скорее всего, значимую роль в задержках играла занятость архитектора в проектах России, а одно время и в работах Огюста Монферрана по строительству Исаакиевского собора. Интересно, что этот единственный частный заказ оказался для Адамини самой последней работой в России. После отставки своего отца в 1827-м он вернулся на родину и продолжил карьеру уже там. Впоследствии народная молва и вовсе окрестила дом у трех мостов «домом Адамини». Случай, когда частное здание называли не по имени владельца, а по имени архитектора, для Петербурга действительно удивительный. Правда, с владельцем тут не все так просто...

В качестве собственника участка и заказчика строительства источники называют купца Антонова. Более того, изначально дом имел весьма характерную купеческую

черту — первый этаж был выполнен в виде торговой галереи, характерной для... гостиных дворов. В двух шагах от знаменитого Круглого рынка построить такое было довольно странно. Позднее ее просто заложили за ненадобностью, хотя штрих весьма показательный... Но кто, собственно, был этот самый загадочный купец, который мог позволить себе купить земельный участок в таком месте и пригласить для строительства дома не абы кого, а одного из помощников главного столичного архитектора того времени? И архитектор на это согласился...

Вопрос для меня достаточно темный. В аллеровской адресной книге за 1823-й единственным перво-статейным столичным купцом с аналогичной фамилией указан Иван Иванович Антонов — жительствовавший на Васильевском острове почтенный староста церкви Смоленской иконы Божией Матери. Впрочем, тут есть нюанс. Именно в 1827-м Иван Иванович скончался в солидном возрасте 67 лет. Еще через год умер его сын, а еще через год супруга (их семейное захоронение чудом сохранилось на Смоленском кладбище), хотя часто пишут, что домом довольно долго владела купеческая вдова... В той же книге есть еще пятеро купцов Антоновых, но все они указаны в третьей гильдии, и предположение о том, что кто-то из них мог себе позволить подобную затею, весьма сомнительно. Так что однозначного ответа о том, кто был заказчиком этого любопытного проекта, я так и не нашел.

Весьма показательно, что за долгую историю дома в череде его владельцев только самый первый принадлежал к купеческому сословию. Последним же частным собственником доходного здания была супруга шталмейстера императорского двора и губернского предводителя дворянства Василия Васильевича Гудовича Надежда Петровна. Хотя там история достаточно странная. Дом был куплен на имя Надежды Петровны в 1905-м, а уже в 1908-м продан Главному управлению уделов. Не хотелось бы в чем-то подозревать крупного общественного деятеля и одного из создателей партии октябристов и его су-

пругу, но выглядело все это неоднозначно. Удельное ведомство владело указанной недвижимостью довольно долго и озаботилось ее продажей только во время войны. Последним владельцем в 1917-м числилось Петроградское общество дешевых помещений. Сия почтенная благотворительная институция имела долгую историю. Общество с весьма длинным официально названием — «Высочайше утвержденное общество доставления дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга» — получило это самое «высочайшее утверждение» еще в 1861-м. За долгие годы своего существования, пользуясь благосклонным отношением власти, оно обзавелось внушительными площадями недвижимого имущества, а его совокупный капитал в последние, предреволюционные годы существования превышал 800 тысяч рублей. Впрочем, для чего нужна была этому обществу подобная покупка в сложные военные годы все равно объяснить довольно сложно. Хотя, возможно, удельное ведомство просто воспользовалось своим влиянием для организации данной покупки, поскольку в последнее царствование общество возглавляли лица, очень близкие к императорскому двору. В начале века — графиня Екатерина Николаевна Адлерберг — вдова известного министра императорского двора и уделов Александра Владимировича Адлерберга, а с 1911-го — Софья Андреевна Эттер — вдова генерал-лейтенанта, гвардейского кавалериста, состоявшего в свите Его Императорского Величества Николая Павловича Эттера.

Такая вот история.

P.S. Относительно живших здесь, а уж тем более бывавших знаменитостей существует просто огромное количество публикаций разной степени детализации. Именно благодаря им этот дом столь известен. Художники, архитекторы, поэты... Только ленивый, конечно, не вспомнит и располагавшийся тут «Приют комедиантов»... Переписывать много раз написанное просто нет особого смысла.

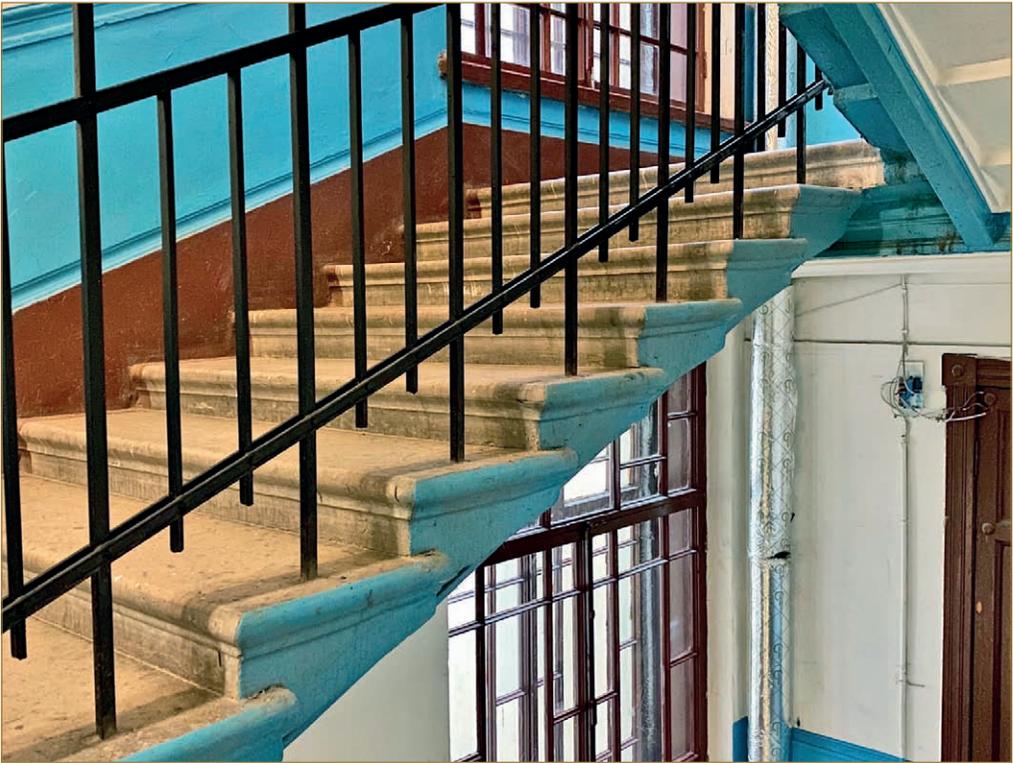
Чудеса ЕГИПЕТСКИЕ...

Мода на египетский стиль появлялась в императорской России своеобразными волнами, повторяя вспышки европейских увлечений. В веке восемнадцатом это было связано с расцветом масонства и его своеобразной символики, в веке девятнадцатом — с артефактами египетского похода Наполеона, которые опять возродили подобные специфические увлечения, а в веке двадцатом — с новой волной повышенного внимания к темам оккультизма и мистики. Ну и без масонских исканий, уже по традиции, дело, конечно, тоже не обошлось... Более того, в самом начале прошлого века «новая старая» мода на этот оригинальный стиль не ограничилась сфинксами,

Еще один пример двора «пристроенного». Три стены одного здания и глухой брендмауэр соседнего. При этом вполне в духе своего времени правильный в границах двор приобретает затейливую конфигурацию. Ровным остается только примыкающий брендмауэр. Остальное — попытка максимально расширить и использовать имеющуюся площадь. Тут вам и выступающие во двор эркеры, и узкие глубокие щели, в которые спрятаны соединительные переходы между флигелями. На первый взгляд это может казаться хаотичным, но на самом деле весьма рационально.

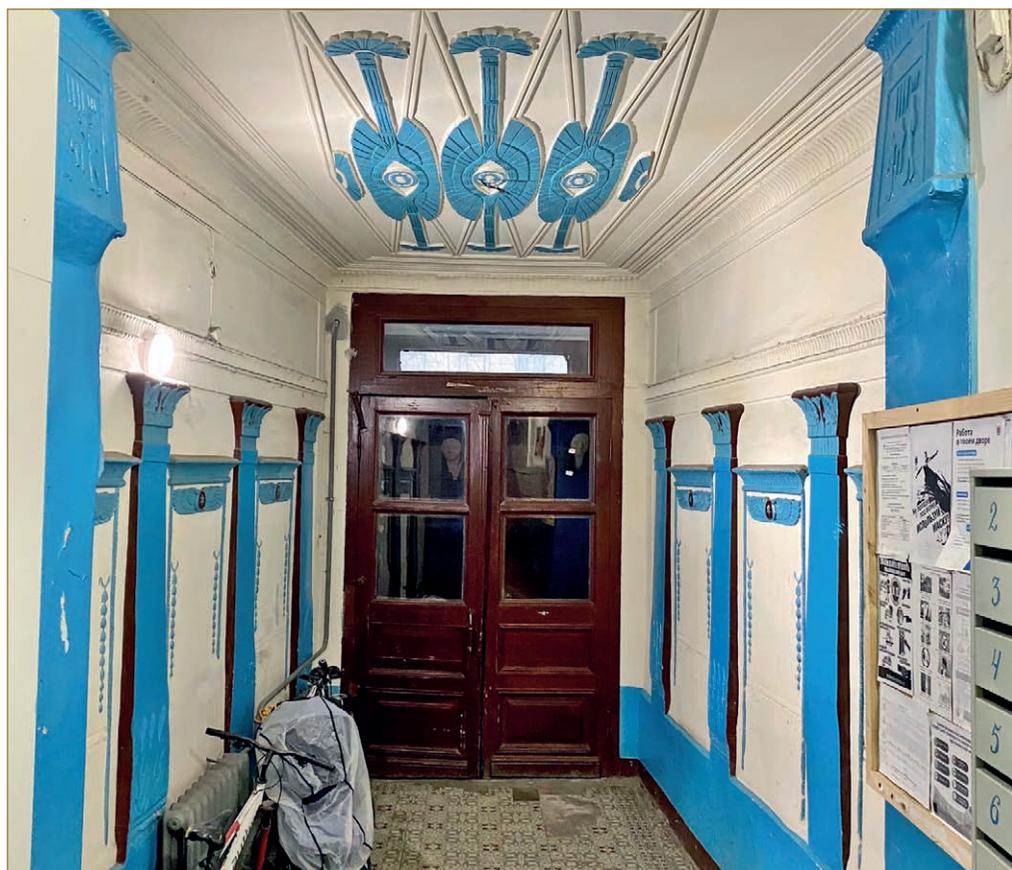

пирамидальными формами и отдельными декоративными элементами. Архитектура модерна использовала египетскую тематику с невиданным ранее размахом. Достаточно вспомнить внушительные египетские залы в интерьерах, созданных Федором Осиповичем Шехтелем. А из замкнутых и спрятанных от посторонних взглядов интерьеров особняков такая стилистика в прямом смысле слова шагнула на улицу, изменяя причудливым образом фасады и парадные доходных домов...

В Петербурге самый яркий и известный образец всех этих увлечений — знаменитый «Египетский дом» на Захарьевской улице. Автор сего замечательного проекта Михаил Александрович Сонгайло был увлеченным поклонником мистического Египта, и использованная им в декоре символика имела определенную последовательность. Как говорится, была выполнена со смыслом. Реакция публики на его проект была неоднозначной, но подражатели нашлись практически сразу. Хотя тут, конечно, много странностей и вопросов, ответов на которые мы, увы, не знаем...

На этом участке Зверинской улицы в 1913-м затеял новое доходное строительство его владелец — костромской малярный подрядчик Михаил Иванович Грибков. Для реализации проекта он пригласил гражданского инженера Николая Николаевича Никонова, и выбор этот был довольно странным. Дело в том, что Николай

Николаевич вообще не имел опыта самостоятельного жилищного строительства. Думаю, что первоначально Михаил Иванович вообще понятия не имел о талантах и возможностях Николая Николаевича и обратился на самом деле не к нему, а к его почтенному родителю. В силу специфики своей деятельности Грибков наверняка прекрасно знал очень известного в Петербурге епархиального архитектора, автора многочисленных проектов неорусской стилистики и большого поклонника декоративной керамики Николая Никитича Никонова. Правда, к этому времени Николай Никитич уже давно оставил должность и фактически отошел от активной деятельности. Но сына, работавшего его помощником на нескольких проектах, настойчиво рекомендовать мог.

Никонов-младший вполне ожидаемо сделал довольно заурядный проект, характерный для времени перехода от модерна к неоклассике. Два типичных эркера на фасаде, но уже опять классически строго симметричные, без всяких фантазий. Стандартная парадная с двойной ориентацией на лицевой корпус и дворовый флигель с боковым естественным освещением. Изначально проект вообще был чисто функциональным и никаких особых излишеств не предполагал. И вот в какой-то момент мнение заказчика вдруг резко изменилось. Не берусь, конечно, утверждать точно, но очень похоже, что именно ранее упомянутый проект Сонгайло, который к тому времени был практически завершен, произвел на Михаила Ивановича столь глубокое впечатление. И декор его собственного дома в одночасье преобразился радикально...

Конечно, Никонов был далек от увлечений Сонгайло и поиска тайных смыслов в декоративном оформлении. Вместе с тем он, похоже, просто пошел по пути использования наиболее известных и узнаваемых элементов стиля, плотно, но довольно тактично заполнив ими фасад здания. Получилось неожиданно изящно и оригинально. В тесной парадной новый декор смотрелся, на мой взгляд, несколько громоздко, но тоже очень интересно. К сожалению, именно в парадной сохранилось далеко не все, но входная группа холла вполне позволяет составить впечатление о том, что это было. При всех нюансах Николай Николаевич создал на удивление цельную стилистическую работу, которая не утратила своеобразного шарма и по сей день. Да и заказчика результат, похоже, вполне устроил. Он сам поселился в этом доме и до самой революции оставался его владельцем. А Никонов-младший продолжил карьеру в Самаре, куда со временем переехал и его отец. Уже безо всяких необычных фантазий...

Модерн спрятанный...

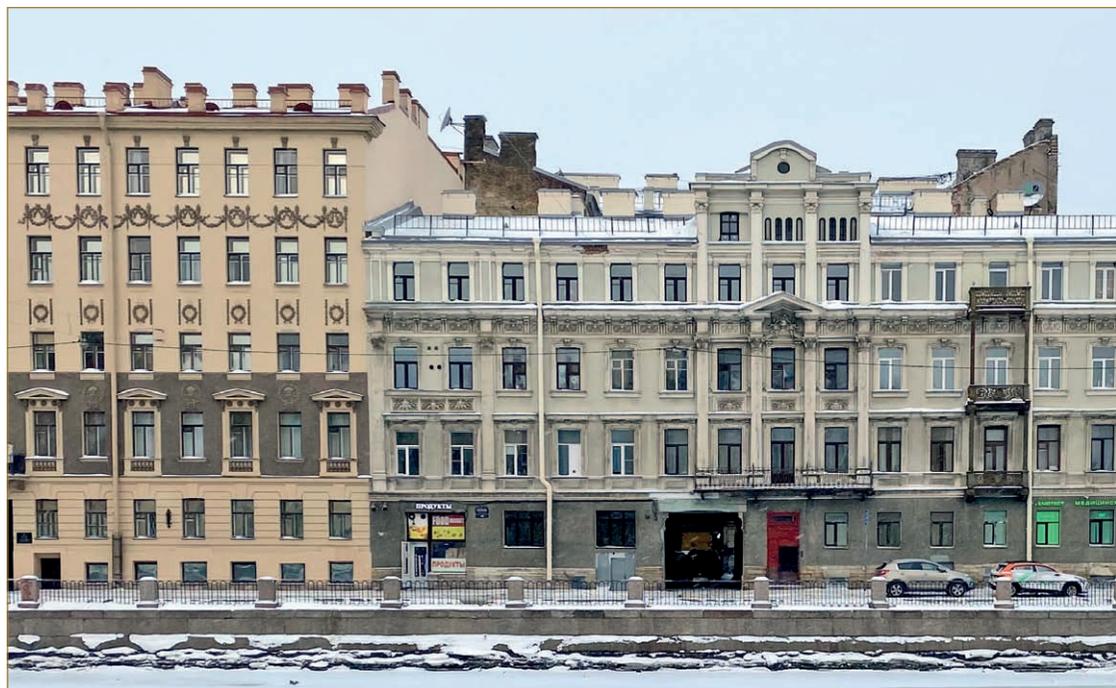
Старые дома Петербурга — это настоящая шкатулка с секретами. Не всегда, конечно, хотя довольно часто первые внешние впечатления оказываются весьма обманчивыми. Допустим, вот это здание на набережной Фонтанки. С виду вполне добротная и симпатичная эклектика, не лишенная оригинальных

Любопытный пример новой застройки старого двора. В данном случае имевшееся большое пространство было разделено аж двумя внушительными флигелями на три новых двора. Дворы получились разными, но самое примечательное в том, что новые дворовые постройки были на целых два этажа выше лицевого корпуса, а их стилистика и дворовая геометрия от оформления и планировки старого дома, который остался в неизменном виде, отличались радикально.

деталей (один чугунный балкон на три этажа чего стоит). Строил сие здание военный инженер Константин Захарович Михеев еще в 1865-м. Но если пройти под въездную арку и заглянуть во двор...

Вообще, «владельческий» земельный участок в этом месте довольно большой, но долгое время его общая застройка за четырехэтажным лицевым корпусом была весьма хаотичной. Только в 1911-м здесь появился целый комплекс шестиэтажных дворовых флигелей с тремя внутренними дворами. Автором проекта этой застройки был выпускник Института гражданских инженеров Карл Карлович Кох. Задача, стоявшая перед Карлом Карловичем, в принципе вполне понятна — обеспечить максимально возможную доходность имевшихся площадей. Собственно, она и обуславливала большую этажность, тесноту дворовых пространств, а также весьма плотную компоновку парадных и квартир. Самое интересное здесь, пожалуй, именно стилистика новых флигелей, резко контрастировавшая с тем, что было видно со стороны набережной...

Коха, имевшего скромную по тем временам строительную практику, трудно было заподозрить в каких-либо определенных собственных стилистических пристрастиях. Судя по всему, он предпочитал точно следовать пожеланиям заказчиков, а они, в свою очередь, совершенно не обязательно отличались стилистической чистотой и чаще составлялись из простого набора понравившихся деталей. Так, думаю, было и в данном случае. С одной стороны, заказчик явно благоволил к изыскам модерна. С другой — мода уже изменилась, последним трендом была неоклассика, а отступавший модерн приобретал более строгие и рациональные черты. В результате тут характерные женские маскароны в достаточно большом количестве соседствуют с очень скупым рисунком лестничных ограждений, а стильная лепная растительность — с классическими интерьерными пилястрами. Есть, конечно, и свой эксклюзив. В одной из парадных холл украшает очень оригинальный фриз со львами. Тут можно только строить

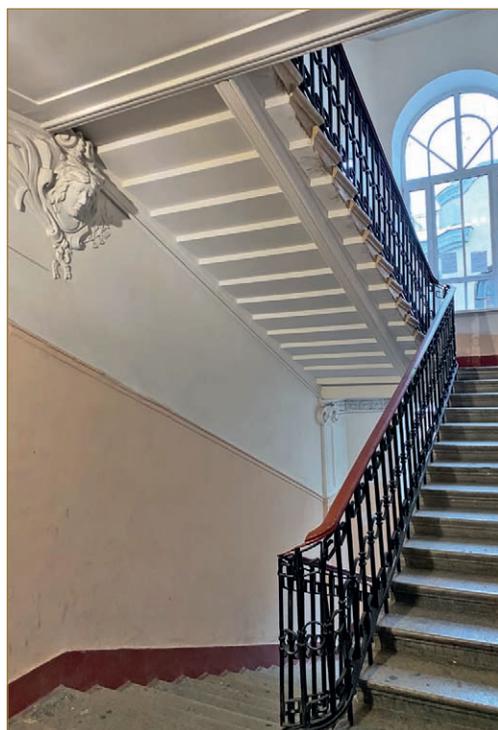

догадки о том, кому же в конечном итоге понадобились такие затеи.

В 1911-м этим участком на Фонтанке с имевшимися там строениями владели тайный советник Павел Николаевич Глаголев и жена коллежского советника Надежда Федоровна Заремба. На проектных чертежах указаны именно эти две фамилии, но рискну предположить, что инициатива в данном случае была за Надеждой Федоровной. Безусловно, тайный советник Глаголев был человеком весьма почтенным. Почти полвека он служил «по почтовому ведомству», долгое время был начальником Управления Санкт-Петербургского почтово-телеграфного округа, а год перед отставкой занимал должность почт-директора Санкт-Петербургского почтамта. Высокий статский чин третьего класса Павел Николаевич получил, похоже, как раз завершив долгую служебную карьеру. Проживал он в этом самом доме. Естественно, в старом лицевом корпусе, выходившем на Фонтанку. Конечно, и статус, и средства, наверное, вполне позволяли Глаголеву проводить серьезные операции с недвижимостью. Все вроде так, хотя на самом деле лично мне как-то трудно поверить, что престарелый и солидный тайный советник с большим багажом воспоминаний о былых временах вдруг решил заняться доходными инвестициями и строительством зданий в новомодном стиле.

А вот Надежде Федоровне такая идея вполне могла прийти в голову. Более того, ее прямую заинтересованность в подобном проекте обнаружить не так и сложно. Главным занятием Надежды Федоровны была работа в различных благотворительных институтах. Было тут и Общество борьбы с детской смертностью, и Общество помощи одеждой бедным, и даже Дамский благотворительный тюремный комитет. При этом предметом особых ее забот всегда был детский «Приют в память 19 февраля 1861 года», где Надежда Федоровна была помощницей попечительницы баронессы Елизаветы Константиновны Рихтер. И вот тут самое интересное. Адрес этого приюта в течение

десяти лет (до 1896-го) совпадал с адресом именно этого дома. Более того, в девичестве Надежда Федоровна носила фамилию Герварт, которую можно найти в списке владельцев здания во второй половине позапрошлого столетия. В такой ситуации вполне разумно предположить, что доходное строительство было самым непосредственным образом связано именно с финансовыми нуждами благотворительных проектов, а первоначальные средства на эту затею вполне мог выделить супруг Надежды Федоровны — директор Санкт-Петербургской государственной сберегательной кассы и чиновник по особым поручениям Министерства финансов Петр Конрадович Заремба. Любопытно, что и непосредственный исполнитель проекта Карл Карлович Кох был близок к благотворительным учреждениям столицы и в ту пору служил архитектором Покровской общины сестер милосердия. Одним словом, все складывалось одно к одному. Да, собственно, и стилистика новостроек, на мой взгляд, была ближе вкусам дамским. Стоит сказать, что Кох разработал проект перестройки и лицевого корпуса, который, правда, остался только на бумаге. Возможно, в этом случае уже Павел Николаевич был совсем не готов перестраивать еще и собственное жилье, которое так и осталось в старом, привычном и наверняка комфортном для него виде.

На самом деле в то время Надежда Федоровна Заремба была только совладелицей этого здания и, в отличие от тайного советника Глаголева, проживала

в другом месте, хотя тоже на набережной Фонтанки, а ближе к революционным временам чаще квартировала не в столице, а в Москве. Впрочем, вплоть до 1917-го собственниками этого дома так и оставались Глаголев и Заремба.

P.S. Значительное расширение используемых площадей и близость к Сенному рынку позволяли владельцам дома активно использовать свою недвижимость не только для жилой, но и для коммерческой аренды. Допустим, довольно значительные помещения тут занимали склады спичечных фабрик «Ираида», принадлежавших акционерному обществу «В.А. Лапшинъ». В начале прошлого века это акционерное общество было одним из крупнейших в стране производителей такого востребованного товара, как спички, и главным учредителем Русского общества спичечной торговли. Офис общества располагался на Мойке, а вот для складов наиболее привлекательным оказалось именно это место. Интересно, что сами названия и фабрик, и акционерного общества владельцы бизнеса вплоть до самой революции бережно сохраняли в качестве известного всей стране и популярного бренда, хотя сам основатель «спичечной империи» Василий Андреевич Лапшин скончался в декабре 1905-го, а давшая свое имя фабрикам дочь Василия Андреевича — Ираида Васильевна — в 1906-м продала унаследованное семейное дело совсем другим людям...

Квинтэссенция стиля

Сима Исаакович Минаш был, наверное, одним из самых ярких архитекторов совсем короткого периода господства модерна в зодчестве Петербурга. Выходец из караимского купеческого семейства, проживавшего в Мелитополе, Сима Исаакович с блестящими результатами окончил реальное училище на родине и поступил в столичный Институт гражданских

Прекрасный пример двора авторского. В профиле здание — правильный прямоугольник, но двор имеет оригинальную Т-образную форму. Именно таким образом архитектор постарался максимально рационально использовать имевшееся пространство, соединяя широкие боковые корпуса с корпусом, который выходил фасадом на параллельную улицу и был ниже остальных. При этом во дворе вообще нет острых углов. Такой угол создает неизбежную тень, а автор этого замечательного проекта хотел свести подобные издержки к минимуму.

инженеров, обучение в котором тоже завершил с серебряной медалью. Практическую деятельность он начал в 1902-м и успел сделать совсем немного, но то, что успел, безусловно, заслуживает внимания.

Уже в дебюте Минаш продемонстрировал возможности в полной мере. Созданные им интерьеры Царскосельского вокзала произвели большое впечатление на современников, да и сегодня производят не меньшее. Такой великолепный дебют обеспечил ему стабильную работу в сфере железнодорожного строительства.

Впрочем, в то время самым привлекательным и доходным для любого столичного архитектора оставалось строительство жилищное. Естественно, попробовал свои силы на этом поприще и Сима Исаакович.

Первой его заказчицей в 1909-м стала княгиня Мария Владимировна Воейкова. Трудно сказать, кто именно мог убедительно рекомендовать этой титулованной и владевшей огромной земельной собственностью даме Симу Исааковича, но именно ему Мария Владимировна заказала проект перестройки доходного дома не где-нибудь, а на Невском проспекте. И не просто дома, а дома с кинематографом. При этом, судя по всему, в отношении стилистики архитектору был предоставлен своеобразный *carte blanche*, позволивший ему создать удивительно цельный образчик того, что назовут северным модерном. И этим действительно стильным проектом дело не ограничилось...

Практически сразу, в 1910-м, Минаш получил следующий заказ и выполнил его в очень похожей стилистике, а местами и просто скопировал детали здания на Невском. Но отличие было в том, что относительно небольшая площадь участка на Широкой улице Петербургской стороны (ранее тут стоял двухэтажный

деревянный особнячок) позволила Симе Исааковичу реализовать свои идеи в максимально концентрированном виде. В результате появился этот довольно скромный, но очень интересный пятиэтажный (не считая мансарды) дом с двумя симметричными ризалитами и чуть заметным центральным эркером, где Минаш очень тактично собрал целый набор характерных стилистических элементов: окна различных размеров и форм, интересно расположенные балконы, керамическая плитка и северная рустовка первого этажа с неизменными птицами и необычно суровым медведем на замковом камне над парадной. Были еще тематические барельефы на уровне второго этажа, но они, к сожалению, ныне полностью утрачены. Хотя даже то, что осталось, выглядит очень симпатично. В парадной, как и было принято в работах подобной стилистики, все сделано очень сдержанно, но гармонично. От абовского камина в холле до оригинальной формы окон, от дизайна дверей до строгих лестничных ограждений. Ну и двор, конечно. Он вообще достоин отдельного внимания.

Заказчицей всего этого гимна модерну была Клара Иосифовна Волькенштейн. И тут приглашение Симы Исааковича выглядит более объяснимым. Дело в том, что Клара Иосифовна была второй супругой известного столичного адвоката по профессии и либерала по убеждениям Михаила Филипповича Волькенштейна, который был еще и директором Общества подъездных и железнодорожных путей в России, а значит, о возможностях талантливого архитектора был вполне наслышан.

Михаил Филиппович, конечно, личность очень любопытная. Одноклассник Чехова, приятель Шаляпина, юрисконсульт «Русского богатства» и редактор «Нового слова». Именно он в 1893 году принял на работу в качестве помощника Владимира Ильича Ульянова и рекомендовал его в Петербургскую коллегию адвокатов. После ареста Ульянова в декабре 1895-го по просьбе его матери Волькенштейн высту-

пил с поручительством для его освобождения до суда. Правда, неудачно.

Но вот что интересно в отношении именно этого дома. Если Клара Иосифовна была его владелицей и числилась проживающей по этому адресу, то Михаил Филиппович формально прописки здесь никогда не имел и указывал в качестве своего адреса съемную квартиру на Литейном проспекте. Не берусь судить о причине, но не стоит забывать, что Волькенштейн был очень опытным, очень состоятельным и не очень лояльным к властям юристом...

Клара Иосифовна владела этим домом ровно шесть лет. В 1916-м он был продан действительному статскому советнику и известному столичному окулисту Иосифу Семеновичу Фельзеру. А после революции супруги Волькенштейн оказались в Ревеле и, несмотря на почти революционное прошлое Михаила Филипповича, в Петербург уже не возвращались. Будучи 70-летним старцем, полностью потерявший зрение Волькенштейн покончил с собой в 1934-м.

Сима Исаакович Минаш после реализации этого замечательного проекта успеет построить еще только два доходных дома, причем один из них опять для княгини Воейковой, правда уже без малейшего намека на модерн. После революции он тоже покинул страну, долгое время жил в Париже, но во время начавшейся мировой войны по вполне понятным причинам вынужден был покинуть Францию и уехал в... Иран. Собственно, на территории Древней Персии он и скончался в 1945-м. Ему было уже 67 лет.

О маках и подсолнухах

В этом интересном доме два практически одинаковых двора. Довольно заметно выдвинутые в дворовое пространство боковые флигели со скругленными углами и узкими нишами соединений всего здания в единое целое. В этих нишах спрятаны открытые вертикальные металлические балки (одно время были очень популярны подобные открытые конструкции). Но самое интересное и необычное тут другое. В первом дворе по всему периметру на уровне двух этажей стены облицованы... декоративной керамической плиткой. Более того, окна второго этажа еще и украшены замковыми камнями. Для двора доходного дома решение, прямо скажем, очень нетривиальное. Впрочем, в этом проекте декоративная керамика вообще занимает особое место.

Не секрет, что в архитектуре модерна флористические изыски всегда играли особую роль. Плавные линии разнообразной лепной, мозаичной, майоликовой и металлической растительности были, наверное, самым главным элементом декора, украсившего фасады и парадные современных зданий. Различных вариантов тут была масса — иногда поражающих своей затейливостью, а иногда просто удивительным масштабом...

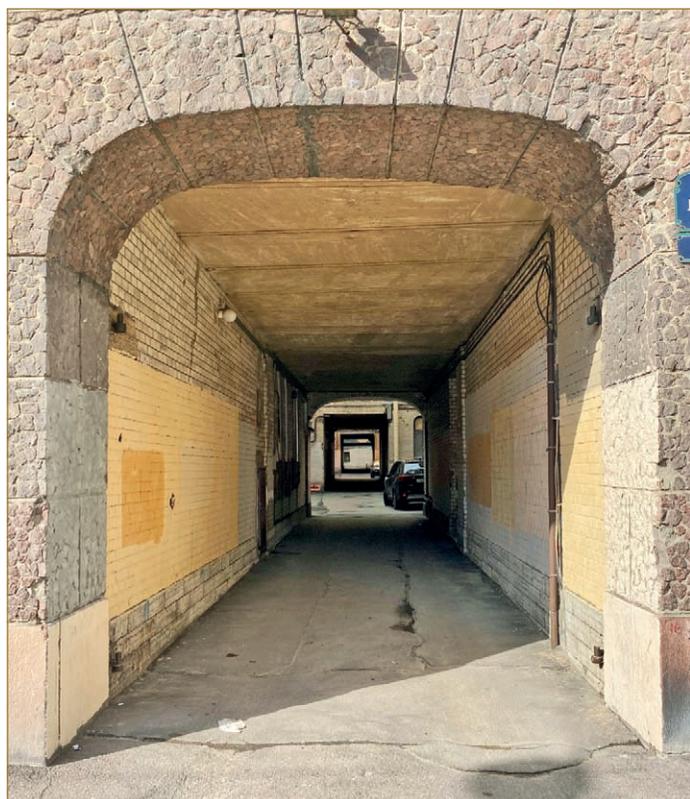
Выпускник Императорской Академии художеств Михаил Федорович Еремеев был, как принято говорить, архитектором второго ряда. С одной стороны, заказы у Михаила Федоровича всегда были (за 20 лет активной практики он построил и перестроил три десятка зданий в Петербурге). С другой — большинство этих построек чем-то особенным не выделялись и целиком зависели от весьма прагматичных пожеланий заказчиков. В том числе и в отношении стиля. Были тут и эклектика, и модерн, и нечто среднее, трудно определяемое. Сам Еремеев, судя по всему, предпочитал модерн и именно в этом стиле создал, наверное, самые оригинальные свои работы. Два его собственных больших доходных дома (впрочем, как часто бывало в то время, оформленные на имя супруги) внешне напоминали своеобразные и очень интересные неоготические замки со всеми признаками только еще входившего в моду модерна. Были и другие проекты, при реализации которых заказчики благосклонно относились к идеям Михаила Федоровича. А они порой были очень неожиданными...

Большой участок на углу Малого проспекта и 15-й линии Васильевского острова принадлежал почетному гражданину и купцу первой гильдии Михаилу Митрофановичу Кудрявцеву, человеку весьма уважаемому и состоятельному. Выходец из Ярославской губернии очутился в столице еще 12-летним мальчишкой и работать начал в трактирах, которые содержали его земляки (ярославцы в этом деле

традиционно были на первых ролях). Через десять лет трактирной практики молодой Кудрявцев купил уже собственную пивную, а затем и первую гостиницу с рестораном — «Неаполь» на Забалканском проспекте. И дело пошло. Им была приобретена еще и гостиница «Варшавская», а также открыт собственный ренсковый погреб. Одним словом, бизнес Михаила Митрофановича развивался весьма успешно. К слову, с земляками, давшими ему путевку в столичную жизнь, он связей тоже никогда не терял, будучи секретарем Ярославского благотворительного общества в Петербурге. Недвижимость на Васильевском явно приобреталась с прицелом на открытие еще одного заведения, но не вся... Старый угловой дом вполне соответствовал этой цели, а вот место рядом, где размещались небольшие старые постройки, Кудрявцев решил использовать для строительства нового доходного дома. К тому времени ему исполнилось 57, а старшему сыну Василию уже было 25. Кроме того, в семействе подрастал младший наследник Александр, да еще и две дочери — Александра и Антонина. Одним словом, логика Михаила Митрофановича и его супруги Прасковьи Степановны была вполне понятна. Доходная недвижимость была лучшим наследством вне зависимости от дальнейшей судьбы основных деловых предприятий. Для строительства этого нового дома в 1910-м Кудрявцев и пригласил Еремеева, который в основном работал именно на Васильевском острове.

Изначально, думаю, задача перед Михаилом Федоровичем была поставлена довольно обычная — максимальная доходность имевшегося участка. В полном соответствии с этой задачей Еремеев и выполнил планировку здания — плотный шестиэтажный прямоугольник с двумя тесными дворами, разделенными внушительным дворовым флигелем. В целом проект был типичным для времени, когда модерн уступал место неоклассике. Симметричное здание с двумя эркерами, широким центральным ризалитом под треугольным фронтоном и въездом во двор, совмещенным с парадной лестницей — по-экономному узкой и откровенно тесной. Совсем другое дело декор. В этом вопросе Еремееву как-то удалось убедить заказчика и развернуть настоящую современную симфонию из различных отделочных материалов. Пять этажей здания плотно закрыты декора-

тивным «кабанчиком», который дополнен поясами керамической плитки четырех разных цветов. Во времена модерна подобная отделка была довольно популярна. Но Михаил Федорович этим не ограничился, и самым необычным и неожиданным в его проекте стали 14 просто огромных керамических панно с маками и подсолнухами, сделанные знаменитым художественно-керамическим производством «Гельдвейн — Ваулин». Наверняка по индивидуальному заказу, поскольку аналогов подобных изделий для доходных домов, похоже, просто не существовало. Тут еще были и оригинальные оконные наличники, и стильные балконы, и даже внушительный маскарон Нептуна (не очень понятно, почему именно его), некогда украшавший фронтон. При этом, что тоже достаточно необычно, торжество керамических изысков переходило еще и в первый двор, в отделку первых двух этажей пространства, для которого в большинстве случаев декор вообще не использовался. Хотя, конечно, именно маки и подсолнухи привлекали внимание прежде всего. Такого в Петербурге точно еще никто не видел. Хотя стоит сказать, что в парадной богатая фантазия Еремеева, судя по всему, закончилась. Банальные лепные гирлянды с монограммой владельца, стильные лестничные ограждения — вот в принципе и все. Да и особого места для изысканных фантазий там просто не было...

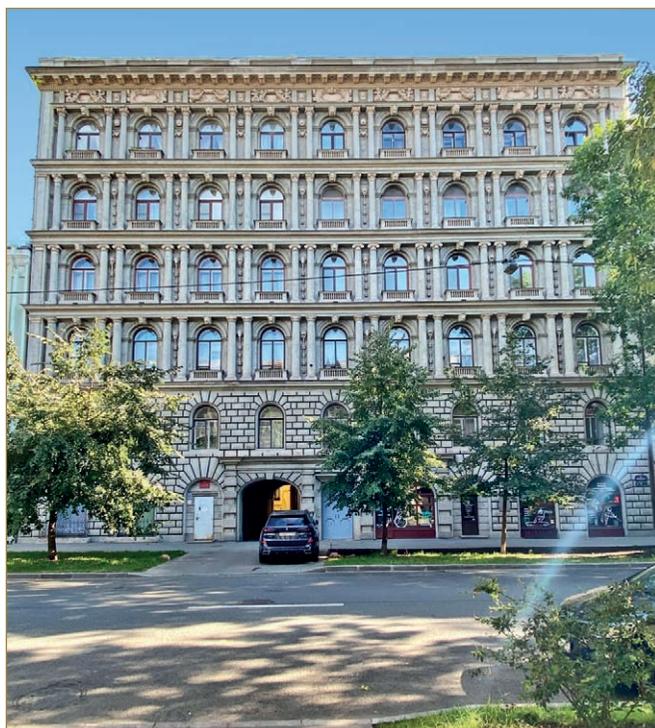
Трудно сказать, почему на все это согласился почтенный Михаил Митрофанович, но, вполне возможно, он, прекрасно знавший в силу специфики своих занятий вкусы столичной публики, решил, что подобный архитектурный эпатаж — именно то, что необходимо для успеха доходного дела. И угадал. Его наследники владели этим домом после его смерти вплоть до 1917-го. Михаил Федорович использует опыт работы с декоративной керамикой еще в одном проекте, но далее развивать тему, к сожалению, уже не сможет. Еремеев скоротраписто скончается в 1914-м, едва дожив до 50 лет.

Доходное палаццо Васильевского острова

Прямоугольный двор этого дома в принципе ничего особенного собой не представляет. Планировка довольно обычная, но есть здесь одно но. Пройдя стильную кессонированную арку во двор и свернув к лестничному эркеру, вы натолкнетесь на... кариатид, которые этот эркер поддерживают. Честно говоря, дворовый декор для Петербурга большая редкость в принципе, но кариатиды... Такое действительно мог придумать только архитектор, это здание построивший.

Демьян Галактионович Фомичев — наверное, один из самых неординарных архитекторов Петербурга начала прошлого столетия. Его неожиданные и порой довольно странные архитектурные фантазии в стилистике столичного модерна вызывали удивление современников, да и сейчас смотрятся очень неординарно. Впрочем, одним стилем смелые эксперименты Демьяна Галактионовича не ограничивались. Во времена возвращения к классическим формам он опять умудрился найти собственный подход к новой архитектурной моде. Да еще какой...

В 1913-м Фомичев взялся за перестройку домовладения на 4-й линии Васильевского острова. Заказ был юбилейно-наследственным — довольно распространенный случай в столичной купеческой среде. Владельцев у этого участка (а позднее и у нового дома) было два — потомственный почетный гражданин и купец второй гильдии Прокофий Прохорович Прохоров и его сын Николай Прокофьевич. Семейным бизнесом Прохоровых была контора буксирного пароходства и судоходства на Неве, которая базировалась на Университетской набережной. Семейный торговый дом принадлежал отцу и старшему сыну на паях. Помимо этого, Николай Прокофьевич вел и собственные дела, будучи директором известного углепромышленного и торгового акционерного общества «Павел Бекель», но сейчас речь не о деловых предприятиях, а о недвижимости....

Идея строительства собственного доходного дома появилась, когда Прокофию Прохоровичу исполнилось 70 лет и было самое время подумать о достойном на-

следстве. К тому же в семье было еще два младших сына и две дочери. Соответственно дом в понимании заказчика должен был быть просторным, солидным, современным и достаточно доходным. Тем более Прохоровы сами планировали перебраться сюда на постоянное жительство. В такой ситуации выбор самой модной в столице стилистики для постройки и приглашение уже прекрасно зарекомендовавшего себя в купеческой среде архитектора — дело вполне естественное. Хотя выбор именно Фомичева, который имел склонность к оригинальным решениям, возможно, имел и еще одну причину. Заказчикам хотелось не только привлечь, а именно удивить столичную публику. Мол, и мы, Прохоровы, не просто так, а с понятием. Это, конечно, только догадка, но вполне возможная, на мой взгляд.

Костромской плотник, окончивший в столице школу десятников, Демьян Галактионович Фомичев в то время архитектором с формальной точки зрения не был (он поступил в Высшее художественное училище при Академии художеств только в 30 лет, в 1907-м), но богатый практический опыт и собственное имя на столичном рынке недвижимости уже имел, реализовав в качестве техника два десятка проектов. При этом надо сказать, что к самой планировке зданий Фомичев всегда подходил достаточно осторожно и предпочитал использовать уже проверенные временем и практикой решения, а вот в отношении декора частенько давал полную волю своей фантазии. Дом Прохоровых — еще один яркий пример такого авторского подхода.

Когда смотришь на этот дом, то не оставляет ощущение, что Фомичев взял за образец итальянское палаццо эпохи Ренессанса и просто растянул его аж на шесть этажей, четыре из которых украсил колоннами, создав из них своеобразную коллекцию классического архитектурного ордера — от дорического до композитного, вдобавок разбавив все это непрерывной тематической лепниной. Такой повторяющийся архитектурный ритм на девять осей фасада мне лично кажется вычурной монотонностью, но в то время

такое решение выглядело весьма монументально, основательно и... привлекательно. Даже непримиримый борец за возрождение «классического города» Георгий Крескентьевич Лукомский в «Современном Петрограде» высоко оценил работу Фомичева (хотя у него были вообще очень своеобразные пристрастия). Полагаю, заказчик тоже остался доволен полученным результатом. Впечатление это действительно производило. Хотя надо отметить, что, создав такой удивительный фасад, Демьян Галактионович предпочел отказаться от своих любимых размашистых декоративных экзерсисов в довольно просторной для своего времени парадной. Конечно, есть тут и мрамор, и сюжетная лепнина, и монументальные входные двери квартир, и строгие лестничные ограждения, но все скомпоновано тактично и аккуратно. Без перебора, коим Фомичев грешил частенько. Сама парадная лестница вынесена в целях уже привычной экономии пространства в дворовый эркер. И именно тут оказался спрятан еще один неожиданный сюрприз от архитектора в виде... дворовых кариатид. Идеи Демьяна Галактионовича действительно иногда приобретали самые неожиданные формы.

Строительство дома было завершено в 1914-м, и для Фомичева это оказался последний проект, который он реализовал до революции. В 1915-м он таки стал полноправным архитектором, но звание сие ему пригодилось уже в совершенно других, новых условиях, где его любимым изыскам места попросту не было, хотя попытки такие у него были...

«Корабль» инженера Эрлиха

Треугольный двор в треугольном доме не редкость, но, как было сказано ранее, каждый имел свои особенности. В данном случае треугольник имеет скругленные углы, что позволяло и немного увеличить полезную площадь, и наиболее удачным образом решить проблему освещенности. Но самым интересным здесь стал центральный угол — довольно широкий со стороны двора и имеющий практически сплошное остекление. На самом деле за большими окнами находится парадная лестница оригинальной конструкции с двумя парадными выходами на разные улицы. В этом доме вообще много нетривиальных инженерных решений...

На самом деле Александр Маркович Эрлих, которого часто называют архитектором, по образованию был инженером-технологом, окончившим механическое отделение Петербургского технологического института. Пробовал он себя на разных поприщах, но после окончания вуза основным и относительно стабильным местом его работы стала железная дорога. Правда, и тут беспокойный молодой

инженер оставался не очень долго — всего четыре года. В 1910-м Эрлих оставил и это занятие, обратившись к строительству доходного жилья...

Самый известный свой архитектурный проект Александр Маркович воплотил в жизнь в 1913-м. Его трудно было назвать очень состоятельным человеком, и, думается, именно по этой причине свой собственный доходный дом он построил на пересечении Широкой и Газовой улиц. Место в ту пору, скажем так, далеко не самое престижное, довольно пустынное, с видом на... газгольдер. При этом свои вложения в недвижимость Эрлих рассматривал в качестве перспективных инвести-

ций, и, конечно, сам дом практически сразу после завершения строительства оказался в залоге. Впрочем, проект получился довольно оригинальным.

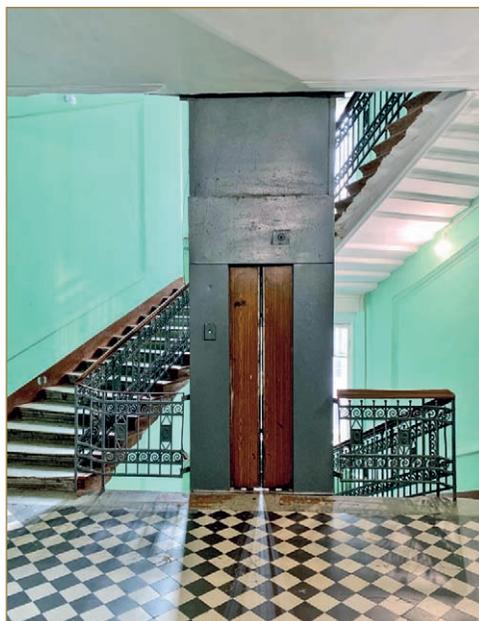
Угловыми треугольниками столичных жителей было, конечно, не удивить, но, как правило, такие дома строились с башней или просто со срезанным углом. Эрлих же решил использовать полезную площадь по максимуму и угол срезать не стал, сделав вместо этого необычные треугольные балконы. В результате дом получил профиль своеобразного корабельного носа, и домом-кораблем его окрестили практически сразу. В целом стилистика проекта стала сочетанием форм и декора сдержанного позднего модерна в финской интерпретации с реверансами из готических мотивов, которые были популярны в Петербурге начала прошлого века с характерными ризалитами, эркерами, балконами и скупым тематическим декором. К этому времени модерн уже вышел из моды, но такой его вариант вполне еще мог найти своих поклонников.

Довольно необычной была и размашистая парадная в доме с выходом сразу на обе улицы, просто огромными лестничными площадками и центральными квартирами, которые имели оригинальную форму, в профиле напоминающую вытянутый треугольник. По счастливой случайности одна из таких квартир дошла до нашего времени практически в первозданном виде.

В 1915-м нанимателем центральной квартиры № 24 на самом престижном третьем этаже этого дома стал директор и управляющий делами первого пароходного общества «По Волге» Марк Тимофеевич Елизаров. Он переехал сюда вместе с супругой Анной Ильиничной, урожденной Ульяновой, и тещей Марией Александровной. Впрочем, Мария Александровна прожила тут совсем недолго. Она скончалась в 1916-м на 81-м году жизни. Почему Марк Тимофеевич выбрал квартиру именно в этом доме, сказать сложно. Хотя, конечно, есть большой соблазн предположить, что он просто хорошо знал Эрлиха — либо по железнодорожной линии, ибо обладал там обширными связями, либо... В 1899 году Эрлих принимал активное участие в студенческой забастовке, за что был отчислен из вуза. Марк Тимофеевич с 1893-го был членом РСДРП и в дальнейшем умудрялся сочетать вполне успешную служебную карьеру с партийной работой...

В апреле 1917-го в квартире Елизаровых приютили прибывших из-за границы родственников: младшего брата Анны Ильиничны Владимира Ильича

и его супругу Надежду Константиновну. Оставались они тут по понятным причинам совсем недолго — до июля. Правда, за это время по этому паркету успел пройти практически все ЦК партии большевиков, проводивший свои заседания за этим самым столом в гостиной. Но это уже совсем другая история...

P.S. Хозяин квартиры № 24 Марк Тимофеевич Елизаров скончался в 1919-м, заболев тифом. Ему было 56. Александр Маркович Эрлих делал не очень заметную, хотя вполне успешную карьеру при советской власти, но что с ним было после 1928-го и когда он скончался, мы, к сожалению, не знаем. Анна Ильинична Елизарова-Ульянова скончалась в 1935-м на 71 году жизни. Именно по ее инициативе и ее стараниями квартира в доме Эрлиха еще в 1927-м стала одним из первых мемориалов вождя мирового пролетариата.

Петербургская открытка

Этот удивительный двор даже в видавшем виды Петербурге аналогов не имеет. В профиле здание — типичный «уют» с острым углом, а вот двор его имеет форму овала, правильность которого немного нарушают только объемные выступы эркеров, но в общем и целом... Такое необычное архитектурное решение, конечно, позволяло обеспечить прекрасное освещение помещений и лестниц, окна которых выходили во двор, но для его реализации на практике в начале прошлого века нужно было обладать большой долей уверенности в собственной правоте.

Про здания, которые давно принято считать символами Петербурга, всегда было довольно много споров. Что, собственно, является символом настоящим, а что только придуманным? Хотя на самом деле споры эти — штука чисто умозрительная. Легко узнаваемую и растиражированную картинку с открытки можно сколько угодно обсуждать, но изменить ее узнаваемость просто невозможно. Взять, к примеру, знаменитые «Пять углов». Там действительно пять угловых домов, но практически любой и местный житель, и заезжий турист при упоминании этого места вспомнит только один — Дом с башней.

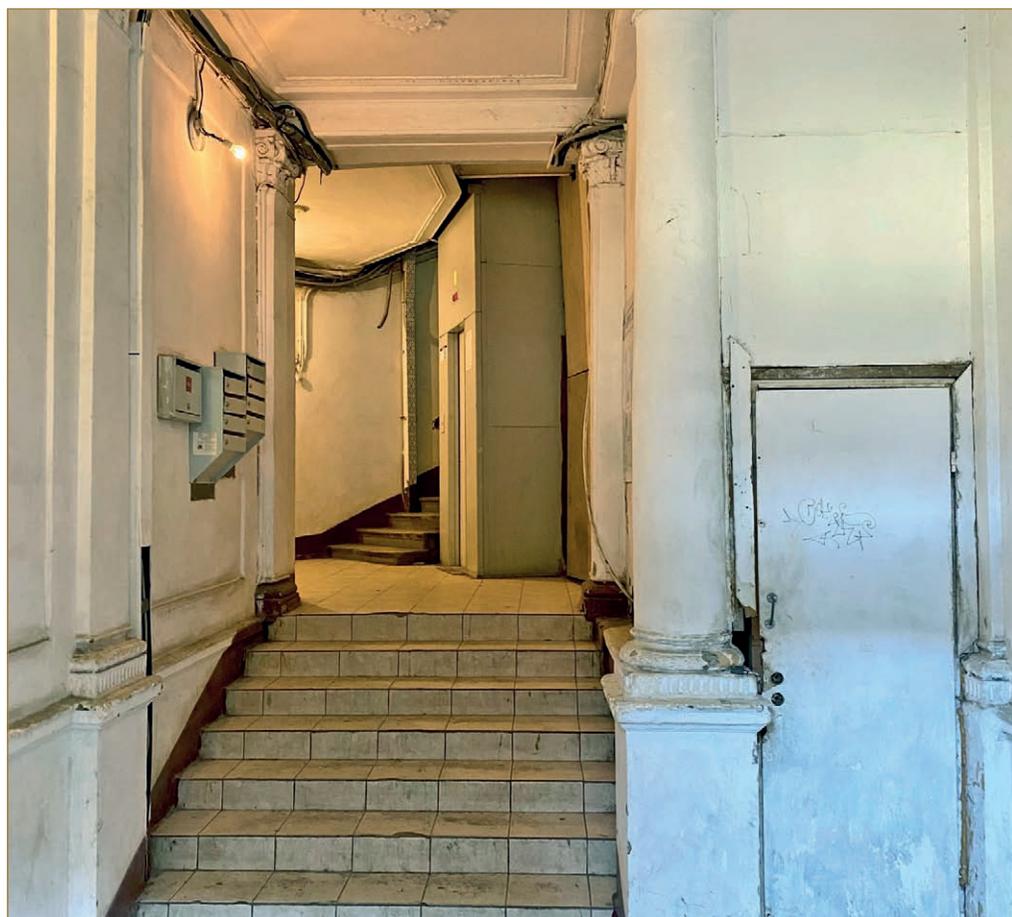

Это, безусловно, самая известная работа Александра Львовича Лишнеvского — архитектора очень талантливого и оригинального. Как известно, карьеру в Петербурге Александр Львович начал весьма неординарным проектом Дома городских учреждений, который стал своеобразной декларацией его авторского подхода. В дальнейшем практически каждое здание, им построенное, будет иметь свой индивидуальный характер, который было довольно сложно втиснуть в узкие рамки какой-то четко определенной стилистики. Даже заимствования, которыми Александр Львович отнюдь не брезговал, он использовал по-своему. Одним словом, если в Петербурге начала прошлого века кто-то хотел построить что-то действительно яркое и не имеющее аналогов, обращение к Лишнеvскому было правильным выбором. С другой стороны, желающих пооригинальничать, конечно, было не так уж и много. Для подобных решений нужна определенная смелость и даже авантюризм, поскольку речь, как правило, шла о довольно больших деньгах, а положительный коммерческий результат был отнюдь не очевиден. Но тем не менее...

Наверное, самым крупным частным заказчиком для Александра Львовича стал столичный купец второй гильдии Шнеер-Залман Иофф. В 1911-м Лишнеvский начал строительство для Иоффа большого доходного дома на Литейном проспекте, где владелец планировал открыть собственную комиссионерскую контору. Основным источником доходов почтенного купца иудейского вероисповедания была торговля антикварной мебелью, и, судя по строительству дома именно на Литейном, дело

было прибыльное. Но судя по срокам этого строительства (три года) — не самое стабильное. Как бы то ни было, в 1913-м, еще не окончив это строительство, Лишнеvский получил от Иоффа два новых заказа. На сей раз на Загородном проспекте. Старый большой доходный дом, построенный еще Александром Христофоровичем Пелем, требовалось просто перестроить, увеличив его доходность, оснастив новыми техническими «коммунальными благами» и изменив внешность на более модную. А вот трехэтажное здание на одном из «Пяти углов» полностью шло под снос. Тут Иофф задумал возвести своеобразный пассаж с большими торговыми площадями и ограниченным количеством элитных квартир. На самом деле место для подобных затей было выбрано удачно, хотя острый угол участка создавал для архитектора ощутимые сложности с ее реализацией. Впрочем, тем интереснее была задача, с которой Александр Львович в результате справился просто блестяще.

Прекрасно понимая коммерческое предназначение этого здания, Лишнеvский превратил его в настоящую архитектурную доминанту, надстроив пять основных

этажей очень оригинальной двухэтажной башней, венчавшей угол здания, выходящий на перекресток. Два первых этажа, предназначавшихся для коммерческих и торговых предприятий, имели большие широкие окна и практически не имели декора. Зато три оставшихся жилых были закрыты самым модным неоклассическим декором очень плотно: оригинальные стильные оконные наличники, эркеры, колонны, пилястры и даже классические фронтоны. Лепной декор из цемента с мраморной крошкой вполне соответствовал этим формам, но исполнен был, как всегда у Александра Львовича, в его неповторимой авторской манере, соединявшей известные мотивы с собственными фантазиями зодчего. На суженном участке необходимое расширение внутреннего пространства здания было обеспечено за счет максимального сокращения площади двора. Но сам двор был выполнен в форме... овала. Вечную проблему естественного освещения это решало и эффектно, и эффективно. При этом такого в Петербурге точно еще никто не делал.

Жилая парадная в доме была одна, а собственно квартиры начинались с третьего этажа. Их было всего шесть. Здесь Лишневский предпочел уже проверенные решения с очень рациональным использованием пространства и скупым декором. Конечно, пол в холле был отделан мрамором, но в остальном... Лестничная спираль, весьма популярная во времена модерна, была выполнена в форме эллипса и освещалась тройными «шагающими» окнами с самыми простыми типовыми витражами, которые Александр Львович использовал в большинстве своих проектов. Впрочем, к самим квартирам такой экономный подход не относился. Это были дорогие семикомнатные апартаменты (не считая кухни и людской), оснащенные по последнему слову техники того времени. В квартирах на последнем этаже поселился сам Шнеер-Залман Иофф с супругой Хавой Гиршевной и шестью дочерьми. Дом был сдан в эксплуатацию в 1914-м, когда владельцу как раз исполнилось 50 лет...

Расчет на популярность коммерческой аренды в этом необычном и броском здании оправдался довольно быстро. Здесь открылось множество магазинов, торговавших довольно разнообразным ассортиментом товаров: от «колониальных продуктов» и вин до модной одежды и электротоваров знаменитой фирмы «Сименс-Шуккерт». Был тут и автосалон Александра Шапиро, имевший отдельный вход. В 1915-м Лишнеvский сделал еще и проект синемаатографа на 300 мест, но он, судя по всему, так и не был реализован. Правда, мне попадалась информация о том, что в 1914-м дом был выставлен на торги за долги перед городским Кредитным обществом. Ситуация возможная, поскольку большинство объектов недвижимости в Петербурге строилось на заемные средства и чаще всего являлось предметом залога, но в любом случае Шнеер-Залман Иофф по меньшей мере еще в 1916-м оставался владельцем этого здания и места жительства не менял. Более того, он был собственником еще четырех доходных домов в столице, что для банкрота выглядело по меньшей мере странно...

В любом случае для Александра Львовича Лишнеvского этот дом стал своеобразной визитной карточкой. Со временем имя этого замечательного архитектора оказалось основательно забыто, но построенный им необычный дом визитной карточкой так и остался. Теперь уже для Петербурга.

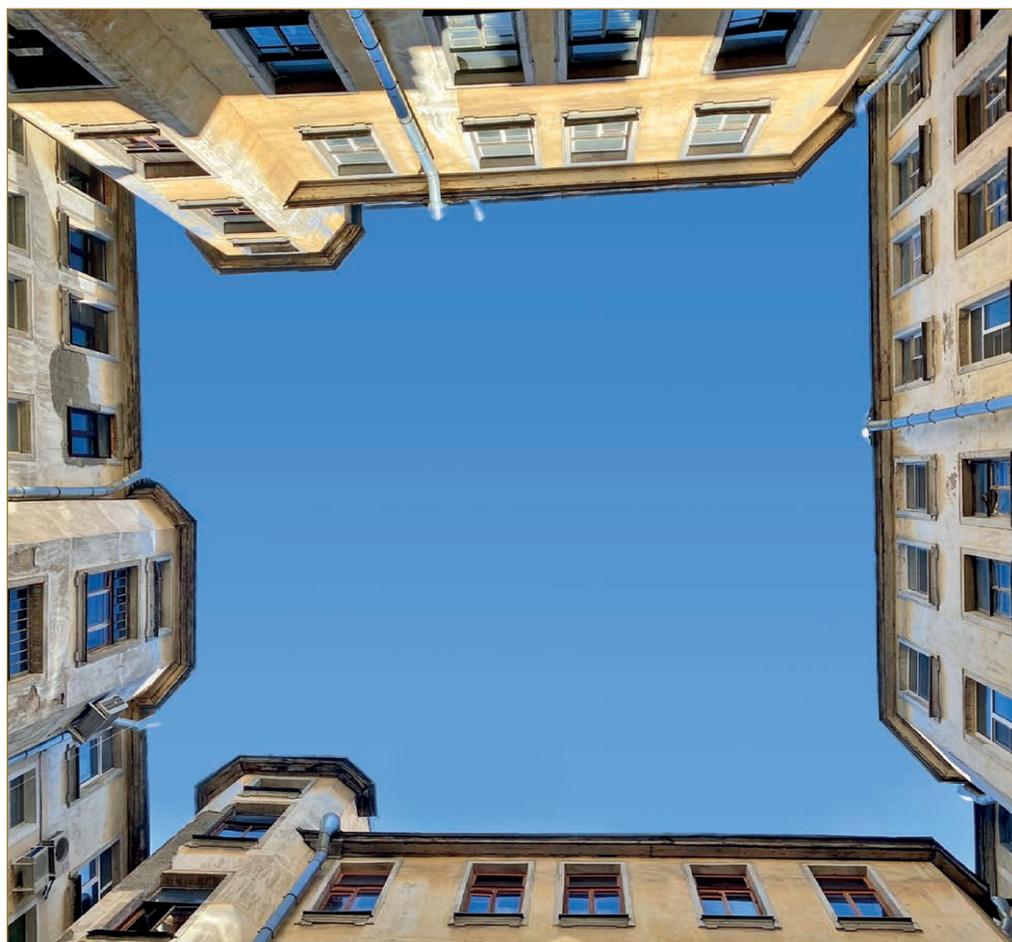
Дядюшкин

ДОМ

Самым распространенным архитектурным решением по использованию имеющихся площадей при строительстве доходных домов с середины позапрошлого века стало разделение внутреннего пространства поперечным жилым флигелем. При этом в большинстве случаев сохранялся принцип разделения по ценовым категориям. Как правило, первый двор был значительно больше второго и жилье в его дворовых парадных стоило дороже. Во втором дворе располагались самые дешевые квартиры, и даже в домах с претензией на солидность эти дворы превращались в узкие прямоугольники, буквально втиснутые в установленные технические нормативы.

Архитектурная карьера Алексея Александровича Захарова была очень долгой и весьма плодотворной. Правда, большая ее часть связана с работой Алексея Александровича в США. Хотя начиналось все, конечно, в родном Петербурге, где он успешно окончил Институт гражданских инженеров в 1907-м. Тогда сделать карьеру начинающему зодчему было

не так-то просто. Не имея хороших связей, получить заказы специалистам без практического опыта было весьма затруднительно. А у Захарова такие связи были. Семейные.

Довольно многочисленный клан Захаровых уже несколько поколений контролировал наиболее значимые столичные мощности по производству самого востребованного строительного материала — кирпича. Алексей Александрович был сыном одного из братьев-заводчиков — Александра Васильевича Захарова — и вместе уже со своими тремя братьями имел пай в компании «Наследники А. В. Захарова», основной долей в которой владела его матушка Мария Тимофеевна. Но самым продвинутым и успешным бизнесменом «кирпичной» фамилии, безусловно, был его дядя — Михаил Васильевич Захаров. Он создал из своей части семейного бизнеса своеобразный вертикальный холдинг полного цикла, в который входило и кирпичное производство, строитель-

ные подряды и собственная доходная недвижимость. И наверное, неудивительно, что именно Михаил Васильевич стал первым заказчиком для молодого архитектора-родственника. Вначале задача, поставленная дядей перед Алексеем Александровичем, была довольно заурядной — надстройка доходного дома на Клинском проспекте. Второй проект был гораздо серьезнее...

К 1909-му Михаил Васильевич Захаров уже был коммерции советником и потомственным почетным гражданином. Помимо управления собственным кирпичным заводом, он был директором Санкт-Петербургского уездного банка, входил в качестве члена

Если смотреть на дома, принадлежавшие Михаилу Васильевичу, то нетрудно заметить, что он вне зависимости от моды всегда отдавал предпочтение солидной поздней эклектике с обилием декора и массивной лепнины. Этакий купеческий стиль «дорого-богато» для самой почтенной публики.

правления в целый перечень столичных кредитных учреждений, был гласным городской думы и выборным купеческого сословия, широко занимался благотворительностью... Он владел в столице пятью доходными домами, а в качестве подрядчика «выстроил 17 казенных, шесть общественных, три благотворительных и 29 частных зданий». А еще Михаил Васильевич был главой традиционно большого для фамилии семейства. У него и его супруги Екатерины Степановны было десять детей. В ту пору ему исполнилось 48, и было самое время подумать не только о доходном, но и о собственном новом жилище. Для этой цели был приобретен участок на загнутом отрезке Кирочной улицы, в двух шагах от Таврического сада...

Конечно, свои строительные материалы, свои строители, да еще и свой архитектор давали возможность значительно снизить издержки проекта на дорогом земельном участке, с одной стороны, а с другой — вполне позволяли выделить дополнительные средства на различные изыски. Но тут, конечно, были и свои нюансы...

Племянник Михаила Васильевича был современной моды далеко не чужд и явно увлечен популярным тогда модерном. Самое интересное, что дядюшка, который вполне мог настоять на использовании любого стилистического решения, в данном случае решил рискнуть и принять идеи молодого родственника. И кажется, не прогадал. Алексей Александрович нашел весьма элегантное решение и очень красивый баланс в сочетании модерна с класси-

ческими деталями. Классическая симметрия и скромный «тематический» декор здесь изящно соседствуют с характерными полукруглыми эркерами и разнообразными окнами оригинальной расстекловки. Фасад здания и хозяйская парадная не только соответствуют новейшей моде своего времени, но и полностью сохраняют излюбленный владельцем флер солидности буквально в каждой детали — от лепнины холла до рисунка лестничных ограждений и дизайна квартирных дверей.

В целом дом, конечно, был оптимально скомпонован для выполнения своих доходных функций: шесть этажей при плотном заполнении участка с двумя дворами, разделенными поперечным флигелем. Там парадные, конечно, менее роскошны, но достаточно эргономичны. Модерн без излишеств. Правда, камин в парадной немного выбивается из стиля, но тут, скорее всего, просто выбор «по каталогу» исходя из принципа «цена/качество». Вообще первый двор, при всей его скромности, ориентирован отнюдь не на самых бедных арендаторов. Надо сказать, что тут Захаров придерживался своеобразной и довольно привычной для Петербурга иерархии: лицевое здание для самых солидных жильцов, первый двор на уровне средней ценовой категории и только самый последний — для наименее состоятельной публики. У опытейшего заказчика такая иерархия вопросов, думаю, не вызвала. Он прекрасно знал, что самые дешевые квартиры, от которых было трудно ожидать большого единовременного дохода, нужны, поскольку

именно они всегда обеспечивали быстрый и хороший оборот средств.

Интересно, что переехавший по новому адресу Михаил Васильевич более дом и квартиру менять уже не будет. А это говорит о многом.

Алексей Александрович позднее продолжит успешно начатую архитектурную карьеру, хотя проработает в Петербурге в общей сложности только шесть лет. Он успеет построить уже для собственного семейства один из самых замечательных и оригинальных домов в стиле северного модерна на том же Клинском проспекте, где и начинал карьеру, но в 1913-м уедет для знакомства с новыми строительными технологиями в Англию, а затем в США и на родину более не вернется. Точнее, вернется, но уже только в 1967-м. Он завещал похоронить себя на семейном месте в Усть-Ижоре. Именно там в далеком 1813-м начался славный путь фамилии Захаровых. И его воля была исполнена.

Последняя покупка

В начале прошлого века в Петербурге появилась довольно странная мода украшать здания барельефами с портретами... владельцев и их родственников. Широкого распространения она не получила, но тем не менее. Сейчас, конечно, довольно сложно точно идентифицировать эти изображения, за исключением отдельных случаев. В основном это предположения разной степени обоснованности. Но в любом случае такие портреты сохранились и их можно обнаружить не только на фасаде. Есть и более скромный вариант, когда такие барельефы оказались... во дворе. Правда, сразу четыре...

Этот дом на набережной Фонтанки был построен в 1913-м. С противоположного берега его серая масса кажется не особенно интересной и даже безликой. Но впечатление обманчиво...

Автором проекта застройки весьма внушительного участка, выходявшего на набережную, был Иосиф Исаакович Долгинов. Годы самой активной его работы пришлось как раз на период увлечения столичных архитекторов неоклассикой и ее различными,

иногда очень неожиданными вариантами. Вполне естественно, что Иосиф Исаакович тоже старался быть в тренде. При этом следует отметить, что он постоянно пытался совместить требования по обеспечению экономии и максимальной доходности с поиском наиболее изящных в его понимании конструктивных и декоративных элементов вошедшего в моду стиля. Порой даже совместить все это с находками канувшего в прошлое и преданного проклятию модерна...

Участок имел в целом правильную прямоугольную форму, но лицевой корпус, выходящий на набережную в этом месте, пришлось строить под углом относительно всего остального. Именно по этой причине классиче-

скую симметрию тут пришлось нарушить. Ворота, конечно, расположены точно по центру, а вот парадные... Вообще, они расположены непривычно далеко от этих самых ворот. И если одна от угла здания отодвинута, то другая оказалась размещена практически на самом углу. С другой стороны, в глаза это бросается несильно. К тому же с общей отделкой фасада, пусть и весьма скупой, все соразмерно в соответствии с каноном — маскароны, и скульптуры, и прочие неперменные атрибуты стиля.

Парадная «для состоятельной публики» сделана на самом деле весьма рационально. Довольно просторный холл заканчивается не очень привычным изгибом, поскольку сама лестница сдвинута влево в соответствии

с особенностями расположения здания. Впрочем, далее все довольно привычно для того времени, когда к экономии пространства относились очень внимательно. Декор сдержан, без особенных излишеств, хотя ощущение солидности все это создает в полной мере. Есть тут и неперенные для неоклассики колонны (а ранее были еще и скульптуры), и кессонированный потолок, стильная лепнина, и двери квартир с характерным дизайном. Интересное впечатление оставляют витражи и лестничные ограждения. Вроде все в русле моды своего времени, но уж очень похоже на характерный отголосок той самой ушедшей декадентщины... На таком фоне удивительно выглядят и «детские» барельефы в холле. Мотив тогда далеко не самый распространенный...

Любопытно, что неожиданные вещи в этом доме можно обнаружить не только со стороны фасада... С учетом особенностей участка Долгинов довольно рационально расположил дворовые корпуса, разделенные на два неравных, но достаточно просторных двора. Впрочем, внимание привлекает не это, а редкие для столичных дворов декоративные детали, и прежде всего четыре одинаковых барельефа с дамским профилем. Тут, конечно, возникает очень большой соблазн предположить, что сей профиль имел прямое отношение к заказчикам строительства...

Владельцами участка и заказчиками строительства были супруги Чубаковы — Виктор Григорьевич и Ольга Михайловна. Семейство весьма при-

мечательное. Свои первые инвестиции в доходную недвижимость Виктор Григорьевич сделал в 1903-м, еще будучи служащим центральной бухгалтерии Государственного банка. Долгое время он владел единственным доходным домом, но все резко изменилось к 1909-му. Виктор Григорьевич вышел в отставку и вместе с супругой начал активно вкладывать деньги (скорее всего, заемные) в приобретение земельных участков и строительство доходного жилья. К 1911-му им принадлежит четыре доходных дома в столице, а родному брату Чубакова Клавдию Григорьевичу — пять. Финал этой масштабной и явно спекулятивной операции приходится на следующий, 1912-й, когда Виктор Григорьевич и Ольга Михайловна всю эту недвижимость продают. И надо думать, вполне успешно...

Полагаю, что полученные средства в принципе вполне позволяли Чубаковым более не думать о коммерческих затеях. Но тем не менее они приобретают большой участок на Фонтанке и заказывают Долгинову, который весьма активно работал на Петербургской стороне, где постоянно проживали и ранее владели недвижимостью супруги, проект этого нового и последнего в их судьбе доходного дома...

Правда, есть у всей этой истории довольно странный финал. Виктор Григорьевич и Ольга Михайловна долгое время проживали в некогда принадлежавшем им доходном доме на Каменноостровском проспекте. В 1914-м Виктор Григорьевич вдруг перебирается на жительство в этот самый новый дом на Фонтанке, а его супруга остается

жить по старому адресу. В 1915-м Ольга Михайловна тоже сменит квартиру, но к супругу так и не переедет. Более того, судя по всему, в следующем году Виктор Григорьевич скончался, дом на Фонтанке был продан, а Ольга Михайловна поселилась на Карповке, сняв квартиру всего в нескольких шагах от дома, где проживал Клавдий Григорьевич Чубаков. В отличие от брата Клавдий Григорьевич никогда не менял места жительства, никогда не менял места службы в особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов и вплоть до 1917-го по-прежнему владел пятью доходными домами в столице...

Караулов, Сергей Вениаминович.

K21

Эстетика Петербурга : дворы Северной столицы, в которых оживает история / Сергей Караулов. — Москва : Эксмо, 2025. — 120 с. : цв. ил. — (Два сердца России. Подарочные издания).

Новая книга Сергея Караулова — это проникновенное и тонкое исследование одного из самых самобытных феноменов петербургской архитектуры — дворов-колодцев. Когда-то они возникли как рациональный ответ на градостроительные вызовы, вдохновленные образцами европейской застройки. Сегодня они обрели статус поэтического символа Петербурга — города, хранящего свои тайны за величественными фасадами.

УДК 72(470.23-25)

ББК 85.113(2-2Санкт-Петербург)

© Караулов С.В., текст, фото, 2025

© Гайдина В.Ю., научный редактор, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-213902-4

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Издание для досуга

ДВА СЕРДЦА РОССИИ. ПОДАРОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Караулов Сергей Вениаминович

ЭСТЕТИКА ПЕТЕРБУРГА

Дворы Северной столицы, в которых оживает история

Главный редактор *Р. Фасхутдинов*
Руководитель направления *Т. Решетник*
Руководитель группы *Е. Виноградова*
Координатор проекта *А. Рыбина*
Художественный редактор *А. Гусев*
Технический редактор *М. Печковская*
Компьютерная верстка *О. Розанова*
Корректоры *В. Горбачева,*
О. Ковальчук, Е. Савинова

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, стр. 1, эт. 20,
каб. 2013. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Әндіруші: «Издательство «Эксмо» ЖШҚ

123308, Ресей, Мәскеу қаласы, Зорге көшесі, 1-үй,
1-құрылыс, 20 қабат, 2013-каб.

Тел.: 8 (495) 411-68-86. Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.
Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин : www.book24.ru

Интернет-магазин : www.book24.kz

Интернет-дүкен : www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасына импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию
в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

ТОО РДЦ Алматы, Алматы, ул. Домбровский, 3«а», литер Б, офис 1.

Дистрибутор және Қазақстан Республикасында өнімге шағымдар
қабылдау жөніндегі өкіл: «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Алматы қ., Домбровский көш., 3 «а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92. E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
на сайте Издательства «Эксмо»: www.eksmo.ru/certification

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның
сайкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша
алуға болады: <http://eksmo.ru/certification/>

Произведено в Российской Федерации
Ресей Федерациясында өндірілген

Сертификаттауға жатпайды

12+

eksmo.ru

Официальный
интернет-магазин
издательства «Эксмо»

Хочешь стать
автором «Эксмо»?

ЧИТАЙТЕ
И СЛУШАЙТЕ
В Литрес

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

БОМБОРА – лидер на рынке полезных и вдохновляющих книг.
Мы любим книги и создаем их, чтобы вы могли творить, открывать
мир, пробовать новое, расти. Быть счастливыми. Быть на волне.

bomбора.ru bomборabooks bomбора

■ ЧИТАЙ · ГОРОД

ISBN 978-5-04-213902-4

9 785042 139024 >

ТЕРИТОРИЯ
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
Официальная франшиза
издательства «Эксмо»

**ЗАГЛЯНИТЕ ТУДА, КУДА
ОБЫЧНО НЕ ВОДЯТ ЭКСКУРСИИ, —
ВО ДВОРЫ, ГДЕ ПЕТЕРБУРГ
ЖИВЕТ СВОЕЙ НАСТОЯЩЕЙ,
НЕ ГЛЯНЦЕВОЙ ЖИЗНЬЮ.**

Автор книги **Сергей Караулов** задумал ее как продолжение истории о доходных домах, но дополнил рассказ фотопортретами и любопытной информацией о дворах, которые тоже были свидетелями многих событий. Книга **«Эстетика Петербурга. Дворы Северной столицы, в которых оживает история»** соединила в себе прошлое и настоящее — от времен монументального ампира до лихорадки строительного бума начала XX века.

Здесь оживают истории: купцов, архитекторов и целых эпох. Перед вами Петербург без парадной маски — с удивительными витражами, очаровательными арками и, конечно, призраками прошлого.

Вас ждет необычная прогулка с посещением 17 очень любопытных зданий — от старого дома купца Устинова до необычного доходного палатцо владельца невских буксиров Прохорова, — не все они входят в экскурсионные программы, поэтому мы уверены, что вы откроете для себя город на Неве с абсолютно другой стороны!

ISBN 978-5-04-213902-4

9 785042 139024 >

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

БОМБОРА — лидер на рынке полезных и вдохновляющих книг. Мы любим книги и создаем их, чтобы вы могли творить, открывать мир, пробовать новое, расти. Быть счастливыми. Быть на волне.